

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXXXVII.

1893.

І Ю Н Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатеринин. кан., № 80.

1893.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряженія	41
— Шестнадцатое приоужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	1
Н. А. Любимовъ. Старое и новое о нѣкоторыхъ простѣйшихъ физическихъ явленіяхъ	293
М. А. Дьяконовъ. Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія	336
Илл. И. Кауфманъ. Государственный долгъ Англій съ 1688 года до настоящаго времени (<i>продолженіе</i>).	380
Г. С. Дестунисъ. Опытъ біографіи Георгія Франдвія	427
С. Н. Браиловскій. Къ біографіи Осифа Прокоповича	498

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. И. Покровскій. Афинское гражданство и народное собраніе. <i>Валеріана Шеффера</i> . Часть первая. Основы государства и дѣленія гражданъ въ Афинахъ. Москва. 1891	503
Х. Х. Шванебахъ. Великая дидактика Яна Амоса Коменскаго. Переводъ съ латинскаго <i>Андрея Адольфа</i> и <i>Серіи Любому-длова</i> . Москва. 1893	542
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. <i>В. И. Шенрока</i> . Т. II, М. 1893	544
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. <i>А. Е. Пятницкова</i> . Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. С.-Пб. 1893	547
К. С. Веселовскій. Нѣсколько замѣтокъ на книгу А. М. Скабичевскаго	548
С. Шестаковъ. Нѣсколько словъ по поводу рецензій на книгу: „О происхожденіи Одиссея“	551
И. М. Собѣстіанскій. Отвѣтъ г. Р—скому	556
С. Р—скій. Замѣчанія на „Отвѣтъ“ г. Собѣстіанскаго	563
— Книжныя новости	566
— Наша учебная литература (разборъ 8 книгъ)	33

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское Московское археологическое общество въ 1892 году	7
И. А. Ровинскій. Отчетъ Цетинскаго Дѣвичьяго института Императрицы Маріи за 1891—1892 учебный годъ	13
— Празднованіе четырехсотлѣтія Ободовой типографіи	26

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

О. О. Вазнеръ. О малярн въ древнемъ Римѣ	81
В. В. Латышевъ. Къ надгробію Христы, дочери Александра	111
М. Н. Крашенинниковъ. Эпиграфическія этюды (<i>продолженіе</i>).	113

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 4-го іюня).

КЪ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКАГО ПРИКРѢПЛЕНІЯ.

Вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ до сихъ норъ раздѣляетъ мнѣнія изслѣдователей въ такой же мѣрѣ, какъ это было и 35 лѣтъ назадъ, когда Погодинъ выступилъ противъ общепринятаго взгляда на закрѣпощеніе крестьянъ по указу царя Ѳедора Ивановича въ 1592 г. Точка зрѣнія Погодина на значеніе указа 1597 г. и его категорическое утвержденіе, что общаго указа о прикрѣпленіи не существовало до изданія Уложенія, нашли себѣ авторитетную защиту и дальнѣйшее развитіе въ специальныхъ трудахъ профессоровъ И. Е. Энгельмана, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и В. О. Ключевскаго. Противоположный взглядъ на вопросъ Костомарова и Бѣляева, защищавшихъ съ несущественными отпѣнками до-погодинскую теорію прикрѣпленія крестьянъ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, взялся защищать въ послѣднее время проф. В. И. Сергѣевичъ.

Различіе въ мнѣніяхъ изслѣдователей не исчерпывается спорнымъ положеніемъ, былъ ли изданъ, или нѣтъ, указъ о прикрѣпленіи до 1597 г. Разногласіе идетъ гораздо дальше и глубже. Спорными оказываются вопросы какъ о причинахъ, вызвавшихъ прикрѣпленіе, такъ и объ условіяхъ, при наличности которыхъ прикрѣпленіе получило свою юридическую конструкцію. Проф. Ключевскій, напримѣръ, высказалъ совершенно оригинальный взглядъ на самый характеръ прикрѣпленія, оспаривая общераспространенное убѣжденіе о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ и утверждая, что въ своихъ исходныхъ моментахъ прикрѣпленіе носило личный характеръ, а потому и привело къ такъ называемому крѣпостному праву на крестьянъ.

Изложеніе содержанія разнообразныхъ воззрѣній на указанную тему и выясненіе главнѣйшихъ научныхъ разногласій могло бы повести къ любопытнымъ сопоставленіямъ; но эта задача стоитъ внѣ программы предлагаемаго очерка. Чтобы убѣдиться, однако, въ томъ,

на какой, повидимому, шаткой почвѣ стоитъ до сихъ поръ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторической науки, достаточно отмѣтить послѣдніе, по времени, отзывы изслѣдователей о трудахъ своихъ предшественниковъ въ данной области.

Въ 1884 г. профессоръ Энгельманъ издалъ свой трудъ по исторіи крѣпостнаго права въ Россіи „Die Leibeigenschaft in Russland“. Появившееся въ слѣдующемъ году изслѣдованіе проф. Ключевскаго „о происхожденіи крѣпостнаго права въ Россіи“ начиналось замѣчаніемъ, что „книга г. Энгельмана не снимаетъ этого вопроса съ очереди, не даетъ на него удачнаго отвѣта“. Причину этой неудачи проф. Ключевскій видитъ въ томъ, что разбираемый имъ авторъ не уяснилъ себѣ природы того института, исторію котораго задумалъ изложить. Въ частности проф. Ключевскій не согласился и съ мнѣніемъ г. Энгельмана объ указѣ 1597 г. Послѣдній высказалъ мысль, что особаго указа объ отмѣнѣ Юрьева дня никогда не издавало московское правительство; крестьяне были прикрѣплены къ землѣ именно указомъ 1597 г., но не прямо, а косвенно и случайно (*beiläufig und indirect*). По этому поводу проф. Ключевскій замѣтилъ: „и такъ, говоря проще, московское правительство обмануло цѣлый классъ своего народа, тихонько подкараулило и украло его свободу... Толкованіе г. Энгельмана похоже на ученый *tour de force*, къ которому онъ былъ вынужденъ не поддающимся рѣшенію вопросомъ“¹⁾. Не согласился съ проф. Энгельманомъ и другой критикъ-специалистъ. Предложенное авторомъ рѣшеніе показалось ему несогласнымъ ни съ указомъ 1607 г., ни съ самымъ текстомъ указа 1597 г. „Изъ указа 1597 г. слѣдуетъ заключить, что 5-лѣтняя давность, о которой онъ говоритъ, не есть новость: бѣглыхъ крестьянъ можно было искать въ теченіе 5 лѣтъ и до этого указа. Въ указѣ-же 1607 г., подлинность котораго авторъ не отвергаетъ, прямо сказано, что переходъ отиѣненъ царемъ Ѳеодоромъ. Надо думать, что указъ, отиѣнившій Юрьевъ день, былъ изданъ“²⁾.

Собственныя мнѣнія проф. Ключевскаго о возникновеніи крѣпостнаго права и его совершенно оригинальная конструкція этого института вызвали не менѣе строгую критику со стороны проф. Сергѣевича: резюмируя свои критическія замѣчанія, онъ пришелъ къ очень неутѣшительному выводу, будто „вопросъ о происхожденіи крѣпостнаго

¹⁾ *Русская Мысль*, 1886, авг., стр. 1—5; окт., стр. 4.

²⁾ *Юридическая библіографія*, издаваемая юридическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета, № 4, стр. 191—192.

права, не смотря на сильную поддержку, оказанную проф. Ключевскимъ своему отдаленному предшественнику по кафедрѣ, остается въ томъ же положеніи, въ какомъ находился и до появленія въ свѣтъ статьи Погодина¹⁾). Не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что критика и собственные настроенія проф. Сергѣевича едва-ли убѣдили его ученыхъ противниковъ въ вопросѣ о крестьянскомъ прикрѣпленіи.

Предоставимъ историографіи освѣтить и разъяснить ближайшіе мотивы указаннаго скептицизма изслѣдователей, переходящаго, быть можетъ, иногда необходимые предѣлы научной осторожности. Здѣсь достаточно указать на одно немаловажное обстоятельство. За послѣднія 35 лѣтъ русская историческая наука не обогатилась почти совсѣмъ новыми матеріалами по исторіи прикрѣпленія крестьянъ, такъ что современный изслѣдователь, останавливаясь передъ этимъ спорнымъ вопросомъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи тѣ же изданные источники, какими располагалъ уже Погодинъ. Всѣ появившіяся за указанное время переработки данной темы построены на одномъ и томъ же старомъ матеріалѣ. Значить, свойство этого матеріала, его неполнота, неясность и отрывочность, и помимо субъективизма изслѣдователей, обуславливаютъ главнымъ образомъ разнообразіе научныхъ выводовъ.

Исключеніе составляетъ изслѣдованіе проф. Ключевского, воспользовавшагося въ своей работѣ обширнымъ архивнымъ матеріаломъ. Къ сожалѣнію, этотъ малодоступный матеріалъ приведенъ авторомъ въ очень краткихъ отрывкахъ, извлеченіяхъ и пересказахъ, а иногда даже только отмѣченъ малоговорящими ссылками на архивные документы, и такимъ образомъ оказывается по-прежнему почти недоступнымъ новой переработкѣ и остается внѣ научнаго оборота. Но эта увѣнчавшаяся любопытными результатами попытка дополнить архивнымъ матеріаломъ печатные источники даетъ основаніе надѣяться, что наличный матеріалъ, столь разнообразно комментируемый главнымъ образомъ благодаря своей неполнотѣ, можетъ быть еще пополненъ, и что загадочный вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ можетъ получить удовлетворительное разъясненіе съ привлеченіемъ значительной части архивнаго матеріала. При такихъ условіяхъ представляется весьма желательнымъ, чтобы всякаго рода новыя данныя, относящіяся къ

¹⁾ Русскія юридическія древности, т. I, стр. 262.

разсматриваемому вопросу, пускались въ обращеніе по возможности скорѣе и въ возможно болѣе полномъ видѣ.

Руководствуясь указанными соображеніями, авторъ настоящаго очерка рѣшился обнародовать нѣсколько документовъ, извлеченныхъ изъ собранія грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи, которое сохраняется въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить на судъ ученой критики опытъ объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ издаваемыхъ источниковъ. Если заключающіяся въ нихъ данныя и не подвинутъ впередъ рѣшеніе главнѣйшихъ спорныхъ положеній, то, быть можетъ, уяснятъ нѣкоторыя подробности дѣла, которыя до сихъ поръ не получили согласнаго истолкованія.

Все имѣющіеся въ виду документы относятся болшею частью ко второй половинѣ XVI вѣка и по содержанію своему представляютъ, можно думать, данныя, свидѣтельствующія о томъ, какъ замирало право перехода крестьянъ и посадскихъ людей не только ранѣе 1592 г., но и ранѣе 1584 г. — перваго года царствованія Оедора Ивановича.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію этихъ наиболѣе любопытныхъ данныхъ, будетъ не лишнимъ отмѣтить нѣсколько небезъинтересныхъ указаній на характеръ ограниченія свободы крестьянскихъ переходовъ по московскому закону, формулированному въ судебникахъ.

I. Въ ученой литературѣ неоднократно было обращено вниманіе на односторонность постановленій судебниковъ о крестьянскомъ переходѣ сравнительно съ такими же постановленіями Псковской судной грамоты. По псковскому закону крестьянинъ и землевладѣлецъ относительно срока отказа являются вполне равноправными. Постановленія же судебниковъ направлены исключительно противъ крестьянъ, и послѣдніе вовсе не равноправны съ землевладѣльцами: срокъ отказа связываетъ крестьянъ и по логической конструкціи закона отнюдь не обязателенъ для землевладѣльцевъ. Но возникаетъ вопросъ: таково ли было дѣйствительное намѣреніе законодателя, или дѣло объясняется несовершенствомъ редакціи? Проф. Энгельманъ, впервые обратившій вниманіе на эту особенность постановленій судебниковъ, думаетъ, что „по существу дѣла землевладѣлецъ былъ связанъ этимъ закономъ въ такой же мѣрѣ, какъ и крестьянинъ, и не могъ отказаться крестьянину раньше срока; но это для него было безразлично; онъ, очевидно, имѣлъ другія средства для принужденія крестьянина (выполнять обязательства), тогда какъ для послѣдняго отказъ былъ

единственнымъ доступнымъ средствомъ самообороны противъ притѣсненій помѣщика. По формѣ законъ исключительно направленъ противъ крестьянина, и это, по мнѣнію автора вполне характеризуетъ московскіе порядки, гдѣ руководящимъ принципомъ является отнюдь не право, а соображенія временной пользы¹⁾. Соглашаясь вполне съ только что изложеннымъ толкованіемъ, проф. Сергѣевичъ однако сомнѣвается, чтобы московское правительство имѣло въ виду предоставить землевладѣльцу право отказывать крестьянамъ внѣ срока. „Правительство принимало мѣры противъ вопіющихъ неудобствъ, а такимъ неудобствомъ, съ точки зрѣнія правящаго класса, былъ безсрочный выходъ крестьянъ... Крестьяне имѣли гораздо менѣе побужденій дорожить землевладѣльцемъ, чѣмъ землевладѣльцы — дорожить крестьянами. Въ памятникахъ есть не мало указаній на то, что землевладѣльцы не выпускаютъ крестьянъ даже въ сроки; но чтобы они ихъ разгоняли въ сроки и безъ сроковъ, этого не видно“²⁾. Такимъ образомъ, согласно послѣднему мнѣнію, не было практической необходимости въ огражденіи произвола землевладѣльцевъ, а потому законъ и обошелъ молчаніемъ эту сторону вопроса.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что на практикѣ землевладѣльцамъ гораздо чаще приходилось заботиться объ удержаніи живущихъ на ихъ земляхъ крестьянъ, о призывѣ новыхъ поселенцевъ, и сравнительно рѣдко отказывать отъ аренды наличнымъ крестьянамъ. Но несомнѣнно и то, что случаи послѣдняго рода встрѣчались въ хозяйственномъ бытѣ того времени. Неисправная уплата податей или уклоненіе отъ отбыванія повинностей государственныхъ или хозяйскихъ; боязнь судебной волокиты изъ за какихъ-либо преступленій и проступковъ крестьянина; соображенія выгоды или прямыя злоупотребленія при отчужденіи вотчинъ и т. п.—таковы условія, при наличности которыхъ и землевладѣльцы могли воспользоваться своимъ правомъ отказа. Такіе случаи и извѣстны, хотя по существу дѣла въ документахъ могли сохраниться указанія только на экстренные случаи этого рода, когда дѣло восходило до суда или было обжаловано съ той или другой стороны. Таково, напримѣръ, дѣло Рязанскаго Богословскаго монастыря съ крестьяниномъ Ив. Батуринымъ, который, отсиdvвъ льготу, не платилъ пошлянъ, не давался подъ

¹⁾ *Engelmann I.*, Die Leibeigenschaft in Russland, 20—21.

²⁾ *Сергѣевичъ В.*, Вольные и невольные слуги московскихъ государей (*Наблюдатель*, 1887, № 1, 74); Русскія юридическія древности, т. I, 288.

судь и жилъ на монастырской землѣ сильно, такъ что потребовалось вмѣшательство правительства, чтобы выслать этого крестьянина изъ монастырскаго села ¹⁾).

Какъ же понимали въ этихъ случаяхъ свое право отказа землевладѣльцы? Считали-ли они для себя обязательнымъ постановленію судебниковъ о срокахъ? Повидимому, нѣтъ. Къ такому предположенію приводитъ, по крайней мѣрѣ, одна записъ 1532 г. о передачѣ проданной вотчины. Изъ этой записи видно, что иѣкто Шарапъ Семеновъ сынъ съ своими дѣтьми продалъ Троицкому Махрицкому монастырю свою вотчину, сельцо Полосино и деревню Глинково въ Переяславскомъ уѣздѣ, съ правомъ прожить въ селѣ до Рождества Христова 7041 года. Въ числѣ условій записи стоитъ, между прочимъ, слѣдующее: „А хрестіаномъ полосинскимъ и глинковскимъ сего лѣта на меня на Шарапа и на мои дѣти наша пахати десятины, какъ на меня преже сего пахали; а мнѣ Шарапу и моимъ дѣтемъ изъ селца изъ Полосина и изъ деревни Глинкова хрестянина никакова безъ монастырскаго вѣдома *не выслати сильно* до сроку до Рождества Христова. А который хрестянинъ выйдетъ вонъ по своей волѣ, и мнѣ Шарапу и моимъ дѣтемъ на томъ хрестянинѣ подворнаго и всякихъ пошанинъ своихъ не имати, то уже имати монастырю“ ²⁾. Записъ выдана зимой или раннею весной 1532 г., такъ какъ въ ней сказано, что продавецъ переѣдетъ съ Москвы въ деревню „на Юрьевъ день вешней лѣта 7040“. Итакъ въ теченіе всего срока владѣнія съ апрѣля по конецъ декабря 1532 г. продавецъ обязуется не высылать крестьянъ сильно безъ вѣдома монастырскихъ властей. Отсюда заключаемъ, что съ вѣдома монастыря, то-есть, настоящаго землевладѣльца, выслать крестьянина считалось позволительнымъ, не стѣсняясь никакимъ установленнымъ срокомъ. Монастырскія власти поставили это ограниченіе въ огражденіе своихъ интересовъ. Но необходимость такого условія указываетъ косвенно и на существующую практику и, значитъ, на возможность разогнать крестьянъ вѣ срока и такимъ образомъ обезцѣпить имѣніе. Это подтверждается и выраженіемъ „выслать *сильно*“, что означаетъ насильственный отказъ крестьянину со стороны землевладѣльца. Стоящее рядомъ выраженіе „выйдетъ вонъ по своей волѣ“ означаетъ отказъ по инициативѣ крестьянина. Срокъ

¹⁾ А. Н. I № 134 (1532); ср. А. Ю. № 64 (1661).

²⁾ Арх. М. Ю. Переясл. у. № $\frac{90}{8814}$. Эта записъ находится и въ правой грамотѣ 1584 г., отпечатанной въ А. Ю. Б. I, № 52 IV, стр. 178—179.

этого добровольнаго выхода хотя также не указанъ, но въ этомъ и не было нужды при существованіи общаго закона о срокъ крестьянскаго выхода.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что согласно записи съ крестьянъ взимаются при выходѣ въ пользу землевладѣльца подворное и „всякія пошлыны“. Судебникъ 1497 г. установилъ только взиманіе пожлаго съ двора въ опредѣленномъ размѣрѣ. Практика, очевидно, присоединила къ этому сбору еще всякія пошлыны для затрудненія выхода. Несомнѣнно, для устраненія этихъ произвольныхъ поборовъ судебникъ царскій сверхъ пожлаго, размѣръ котораго увеличенъ, узаконилъ еще новую пошлыну—повозъ и запретилъ взиманіе какихъ либо иныхъ пошлынъ: „а опричь того на немъ пошлынъ нѣтъ“ (ст. 88).

II. Постановленія судебниковъ о крестьянскомъ отказѣ возбуждаютъ сомнѣнія еще съ другой стороны. Опредѣливъ сроки и условія для выхода или вывода крестьянъ, судебники не установили никакой санкции за нарушеніе этого правила. Спрашивается, какія же юридическія послѣдствія возникали въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ покидалъ участокъ не въ срокъ и безъ отказа. На этотъ вопросъ, естественно, давно уже обращено вниманіе изслѣдователей. Еще К. Аксаковъ высказалъ мнѣніе, что крестьянинъ, вышедшій не въ срокъ, безъ отказа и безпошлинно, считался бѣглымъ. „До укрѣпленія, *заплитя пению*, онъ удерживалъ свою личную независимость и не былъ обязанъ выполнять условно обѣщаннаго; послѣ укрѣпленія онъ не могъ отступиться отъ условій, а обязанъ былъ выполнить весь договоръ и жить столько, сколько въ записи (порядной) написано. Въ этомъ состояло запрещеніе выхода“¹⁾.

Подробнѣе и опредѣленнѣе останавливается на этомъ вопросѣ Костомаровъ въ своей полемикѣ съ Погодинымъ. „Крестьянинъ, говоритъ онъ, имѣя право перехода отъ владѣльца земли, на которой жилъ, не былъ его принадлежностью, какъ холопъ, и нѣтъ указанія, чтобъ въ случаѣ самовольнаго удаленія съ земли владѣльца онъ возвращался снова на прежнее мѣсто: предположить это, значило бы принять, что крестьянинъ за побѣгъ дѣлался принадлежностью помѣщика, то-есть его холопомъ. Но этого не видимъ мы даже и впослѣдствіи, когда крестьяне были уже прикрѣплены къ землѣ: они возвращались и поступали снова въ крестьяне, но не въ холопы. Если же предположить, что

¹⁾ Полное собраніе сочиненій К. С. Аксакова, т. I, стр. 509.

такъ было и въ XVI вѣкѣ, во время существованія права перехода, тогда уничтожается самое это право: надобно будетъ принять, что крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Если крестьянинъ, заключивши договоръ съ помѣщикомъ въ ноябрѣ, бѣжалъ отъ него въ іюлѣ будущаго года, а пойманъ въ ноябрѣ: какъ же можно было его возвратити на прежнее жительство, когда онъ и безъ того имѣлъ право переѣхать его въ это время? Очевидно, что крестьянинъ бѣжавшій отъ помѣщика до срока, въ который могъ по закону уйти отъ него, подвергался взысканію, какъ свободный челобѣцъ, за нарушение договора и присуждался къ вознагражденію убытковъ, нанесенныхъ хозяину, и слѣдовательно не могъ быть, какъ рабъ, возвращаемъ безусловно на прежнее жительство¹⁾.

Совершенно ту же точку зрѣнія на вопросъ защищаетъ въ послѣднее время профессоръ Сергѣевичъ. По его мнѣнію, „въ прежнее время возвращеніе крестьянъ на покинутые участки имѣло мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ и на основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ; для того, чтобы возвести эти частныя распоряженія въ общее правило, нужно было особое узаконеніе. А такъ какъ въ судебникахъ его нѣтъ, то надо полагать, что и московское правительство, какъ и псковское, хотя и установило общій срокъ отказа, но не ввело еще исковъ о водвореніи безсрочно ушедшихъ на оставленные ими участки“. „Уголовной кары за безсрочный выходъ и выводъ также не было установлено“. Такіе иски, думаетъ проф. Сергѣевичъ, опущены составителями судебниковъ не по недосмотру, а по совершенной ихъ непрактичности, такъ какъ до постановленія приговора о возвращеніи несвоевременно вышедшихъ крестьянъ во многихъ случаяхъ успѣли бы наступить законные сроки переходовъ. Въ такихъ случаяхъ возвращеніе крестьянъ по приговору суда противорѣчило бы ихъ праву перехода въ Юрьевъ день. Поэтому „иски объ убыткахъ составляли единственное и, нельзя отрицать, весьма сильное средство для удержанія крестьянъ отъ незаконнаго выхода“²⁾.

Это столь ясно и стройно сформулированное толкованіе постановленій судебниковъ не устраняетъ, однако, двоякаго рода недоразумѣній. Вопервыхъ, судебники одинаково проходятъ молчаніемъ какъ иски о возвращеніи незаконно вышедшихъ крестьянъ, такъ и иски объ убыткахъ, причиненныхъ такимъ выходомъ. Можно еще допу-

¹⁾ *Архивъ историч. и практич. свидѣній*, 1859 г., кн. 3, критика, стр. 70—71.

²⁾ *Русскія юридическія древности*, т. I, 240—242.

стить, что объ искахъ послѣдняго рода не было надобности упоминать особо,—они разумѣлись сами собой. Но странно, что за весь продолжительный періодъ господства такой практики, до насъ не дошло ни одного указанія, подтверждающаго ея существованіе: ни одного иска, ни одной правой грамоты о взысканіи убытковъ съ несвоевременно вышедшихъ крестьянъ ¹⁾. И, восторыхъ, на ряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что намъ извѣстно нѣсколько случаевъ водворенія на прежнихъ мѣстахъ жительства незаконно вышедшихъ или вывезенныхъ крестьянъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ указанъ и проф. Сергѣевичемъ ²⁾. Можно къ нему присоединить еще два другихъ, если не считать подобнаго же случая, относящагося ко второй половинѣ XV вѣка ³⁾. Въ грамотѣ Бѣлозерскому намѣстнику 1559 года читаемъ: „которые крестьяне въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ выходили изъ нашихъ черныхъ волостей въ ихъ монастырскія (Кириллова монастыря) села и деревни и за князей и за дѣтей боярскихъ не въ срокъ безъ отказа, и вы де по нашему наказу тѣхъ крестьянъ изъ ихъ селъ и деревень и изъ-за князей и изъ-за дѣтей боярскихъ выводите назадъ въ наши въ черныя волости, на тѣ же мѣста, гдѣ которой жилъ напередъ сего“ ⁴⁾. Въ томъ же смыслѣ надо, кажется, понимать нѣкоторыя выраженія выписи 1580 г. на Троицкія вотчины въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, на устьѣ р. Шексны. Здѣсь сказано: „д—ня Шикмана пуста, а въ ней два двора пусты, а вошли были въ нее крестьяне изъ государевы изъ Ворбозовскія волости, Тишка Петровъ да Степанко Ивановъ, и по государеву наказу Тишку вывели въ тое-же волость Безсонко Щокотовъ, а Степанко Ивановъ вышелъ въ езовую волость въ Вогнемскую, а впередъ вся деревня стала пуста... Д—ня Савкино пуста, а въ ней два двора пусты, а вошли были два крестья-

¹⁾ Отрывокъ суднаго дѣла, возникшаго изъ-за нарушенія крестьяниномъ Вотолою порядной, никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса не содержитъ: не достаетъ конца дѣла, именно рѣшенія. Р. И. Б., XII, ст. 129, № V (1568). Другой любопытный документъ, въ сожалѣнію, также съ дефектами,—это духовная кн. Ивана Щепина, въ которой читаемъ: „Да вывезъ еси съ отказамъ... и за (изъ-за) Онтонъ крестьянъ... Япка да Шестока да Лазаря, и Онтонъ тѣхъ крестьянъ поималъ на поли, да ихъ ваялъ... та рублехъ, и язъ на Онтонъ того искалъ, и на томъ у насъ съ нимъ миръ былъ, что было ему на крестьянѣхъ денегъ по кабакамъ не ваять“. Но и это мѣсто служитъ лишь доказательствомъ права отказывать крестьянъ должниковъ. Сборн. Муханова, № 348 (1588?).

²⁾ Русскія юридическія древности, т. I, 498 прим.

³⁾ А. Э. I. № 83 (1466—1478).

⁴⁾ Р. И. Б. II, № 36.

янна, Гридка Ивановъ да Ѳедко Сидоровъ, изъ государевы волости изъ Ворбозовскія, и ихъ по государеву наказу вывезли назадъ за государя Безсонъ Щокотовъ“¹⁾).

Въ случаѣ, указанномъ въ книгѣ проф. Сергѣевича, заинтересованные помѣщики обратились съ жалобой на незаконность отказа (среди лѣта 1555 года), и въ государевой грамотѣ предписано обязать свезенныхъ крестьянъ жить за прежними помѣщиками „по нашему уложению, по судебнику, до сроку“. Любопытно, что грамота помѣчена 17-го декабря²⁾, то-есть, распоряженіе о водвореніи крестьянъ дано по истеченіи срока отказа (конецъ ноября) и могло быть исполнено не иначе, какъ удержаніемъ крестьянъ на прежнихъ мѣстахъ жительства до слѣдующаго срока въ ноябрѣ 1556 г. Въ вышеприведенныхъ случаяхъ крестьяне водворяются на покинутые незаконно участки по распоряженію правительства на основаніи наказовъ, выданныхъ намѣстникамъ и приказнымъ людямъ. Нельзя съ увѣренностью сказать, чѣмъ вызваны эти наказания: жалобами ли потерпѣвшихъ, въ данномъ случаѣ волостныхъ крестьянъ, или представленіями намѣстниковъ и приказныхъ людей, или же, наконецъ, непосредственной правительственной инициативой при назначеніи на мѣста должностныхъ лицъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣли бы дополненіе постановленій судебниковъ совершенно опредѣленною санкціею. Недостатокъ матеріала не позволяетъ однако настаивать на такомъ толкованіи. Во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать спору одно значеніе вышеуказанныхъ фактовъ: они идутъ въ разрѣзъ съ предложенной догадкой, будто единственнымъ средствомъ защиты противъ несвоевременнаго выхода и отказа крестьянъ были иски объ убыткахъ.

Этой догадкѣ противорѣчить, кажется намъ, и другое свидѣтельство намятниковъ, восполняющее до нѣкоторой степени недостающую въ судебникахъ санкцію правилъ о крестьянскомъ переходѣ. Въ жалованной грамотѣ перемышльскаго князя Александра Ивановича Успенскому Жиздринскому монастырю 20-го іюля 1547 г., между прочимъ, сказано: „также есмь пожаловалъ строителя съ братією: которые крестьяне живутъ въ тѣхъ ихъ въ монастырскихъ въ деревняхъ и въ слободахъ, а похотятъ которые прочь поитить въ мои въ подклѣтные села и за моего сына боярскаго, и тѣмъ крестьянамъ отказыва-

¹⁾ Архивъ министерства юстиціи, Бѣлозерскій у. № ¹⁵⁶₈₅₇.

²⁾ Д. къ А. И. I, № 51 XVІІІ.

тиса одинъ срокъ въ году, Юрьевъ день осеней. А кто у нихъ откажетъ силно не по тому ихъ сроку, и тотъ отказъ не въ отказъ“¹⁾). Совершенно такую-же санкцію заключаетъ и жалованная грамота вологодскаго князя Андрея Васильевича Кириллову монастырю 1462—1471 гг.: „а кто откажетъ до Юрьева дни или послѣ Юрьева дни, ино тотъ отказъ не въ отказъ“²⁾). Отсюда заключаемъ, что эта санкція вовсе не исключительная и не придумана перемышльскимъ княземъ. Къ тому же никакого владѣтельнаго перемышльскаго князя, пользующагося правомъ самостоятельнаго законодательства, въ XVI вѣкѣ и не существовало. Перемышльскій удѣлъ, выдѣлившійся изъ серпуховскаго удѣльнаго княжества, потерялъ самостоятельность вмѣстѣ съ послѣднимъ при Иванѣ III. Поэтому жалованная грамота 1547 г., выданная перемышльскимъ княземъ, не создаетъ особаго мѣстнаго закона, а повторяетъ лишь общій законъ судейника, придавая ему общезвѣстное и общепринятое значеніе, не выраженное въ самомъ судейникѣ лишь вслѣдствіе неудачной редакціи закона. Судейникъ царскій, какъ извѣстно, удержалъ старую редакцію почти всѣхъ статей судейника перваго, дополнивъ лишь его новыми правилами. Законъ о крестьянскомъ отказѣ, хотя и дополненный, сохраненъ въ прежней редакціи, а потому, примѣнительно и къ нему, грамота перемышльскаго князя можетъ служить любопытнымъ современнымъ комментариемъ.

Что-же обозначаетъ эта санкція: „тотъ отказъ не въ отказъ“? По ея буквальному смыслу выходъ или вывозъ крестьянъ не въ установленный срокъ оказывается недействительнымъ. Но признанная закономъ недействительность открывала путь къ восстановленію нарушенныхъ между сторонами отношеній помимо суда самоуправными дѣйствіями. Стало быть заинтересованные землевладѣльцы могли силою предупредить нарушеніе закона, а несвоевременно вышедшіе или вывезенные крестьяне могли быть возвращаемы на прежніе участки безъ всякаго судебного вмѣшательства, если самый фактъ незаконнаго отказа не возбуждалъ сомнѣній. Такое толкованіе не представляеть ничего невѣроятнаго, такъ какъ, согласно возрѣніямъ эпохи, внесудебное восстановленіе правъ или внесудебное вознагражденіе потерпѣвшихъ, въ видѣ юридическаго переживанія болѣе древнихъ порядковъ, считалось наиболѣе сильнымъ средствомъ огражденія правъ

¹⁾ Арх. мин. юст., Перемышльскій у. № $\frac{1}{9550}$.

²⁾ Д. къ А. Н. I, № 198 I.

и безопасности населенія. Такъ, во второй половинѣ XV вѣка и въ XVI вѣкѣ жаловавшія грамоты постоянно повторяютъ обычную угрозу: „учинится у нихъ какова гибель, и тому та гибель платити вдвое безъ суда и безъ исправы“¹⁾.

Выясненіе практическихъ слѣдствій указанной санкціи, за недостаткомъ положительныхъ указаній представляетъ значительныя трудности. Можно думать, что виѣсудное восстановление нарушенныхъ правъ землевладѣльцевъ при крестьянскихъ вывозахъ постоянно подавало поводъ къ злоупотребленіямъ какъ со стороны потерпѣвшихъ, такъ и со стороны мѣстной администраціи, по скольку послѣдней приходилось виѣшиваться въ дѣла этого рода. Эти злоупотребленія и могли привести къ установленію путемъ практики исковъ о возвращеніи незаконно ушедшихъ или бѣглыхъ крестьянъ.

III. Ограниченіе крестьянскаго перехода общимъ закономъ и прикрѣпленіе крестьянъ, достигши значительныхъ успѣховъ къ концу XVI вѣка, какъ извѣстно, предварялись нѣсколькими частными мѣрами, прямыми и косвенными, имѣющими цѣлью затруднить и окончательно воспретить крестьянскій выходъ²⁾. Изъ косвенныхъ мѣръ обращаютъ на себя вниманіе запрещенія, формулировавшія въ льготныхъ жалованныхъ грамотахъ, перезывать и садитъ на землю крестьянъ мѣстныхъ волостныхъ, тяглыхъ или вытныхъ, даньскихъ, письменныхъ; и рядомъ съ этимъ преимущественныя льготы для перезванныхъ крестьянъ изъ иныхъ княженій. Такія мѣры княжескихъ правительствъ въ эпоху существованія многихъ княжествъ объяснялись невозможностью прибѣгнуть къ болѣе сильнымъ мѣрамъ для устраненія невыгодъ крестьянскаго перехода. „Свобода перехода есть исконное обычное право крестьянъ. Первые московскіе князья еще слишкомъ слабы, чтобы поднять руку на это право. Да при существованіи многихъ удѣловъ такой мѣры и провести было нельзя: отъ князя, запрещающаго переходъ, крестьяне отхлынули бы въ удѣлы, гдѣ переходъ дозволенъ. При такихъ условіяхъ ничего не оставалось

¹⁾ А. Э. I, №№ 72 (1462—1478), 102 (1476), 122 (1488), 143 (1506); Д. к. А. II, I, №№ 46 (1551), 114 (1560), 148 (1598).

²⁾ В. Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права, 174—186, 189; *Погодинъ*, Историко-критическіе отрывки, II, 222—225; *Вълассъ*, Крестьяне на Руси, изд. 2, 45—50; В. Сергиевичъ, Вольные и невольные слуги московскихъ государей (*Наблюдатель*, 1887, № 1, 66—76); *то-же*, Русскія юридическія древности, т. I, 198—198 и 233—236.

какъ требовать отъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ князю льготами, не принимать на свои земли тяглыхъ людей“¹⁾). Согласно такому объясненію эти мѣры ограничивали крестьянскій переходъ лишь фактически, ничуть не затрагивая самаго права свободнаго перехода.

Въ исторической литературѣ высказаны, однако, иныя воззрѣнія на вопросъ. Еще Сперанскій полагалъ, что „въ состояніи людей, живущихъ на земляхъ общественныхъ, произошла важная перемена со времени введенія татарами народной переписи въ 1257 году; внесенные въ оную какъ городскіе, такъ и сельскіе жители должны были остаться на тѣхъ земляхъ, на которыхъ застала ихъ перепись. Съ сего времени постановлено было общимъ закономъ, чтобы численныя люди не принимали ни въ домовую службу, ни на частныя земли для поселенія. Даже самые князья въ договорахъ между собою поставляли правиломъ: *а численные люди близкины съ единою и земля ихъ не купити и закладней не принимати*“. Если къ этому общему положенію прибавить, что Сперанскій призналъ тождество терминовъ „численные люди“ и „письменные люди“²⁾, то въ результатѣ получится совершенно опредѣленный выводъ о прикрѣпленіи къ землѣ тяглыхъ людей уже съ конца XIII вѣка.

Долгое время Сперанскій не имѣлъ сторонниковъ въ этомъ вопросѣ. Только въ самое послѣднее время сдѣлана попытка отодвинуть къ татарской эпохѣ начало крѣпостнаго права на крестьянъ и тѣмъ самымъ поддержать и обосновать догадку Сперанскаго. Такъ, кажется намъ, нужно понимать слѣдующее мнѣніе П. Н. Милюкова: „связь „дани“, „числа“ и „сохи“ при татарской переписи даетъ намъ возможность возводить къ тому же времени явленія, которыя по нашимъ источникамъ становятся доступны наблюденію столѣтіемъ позже: со второй половины XIV вѣка. Данщикъ становится главнымъ финансовымъ чиновникомъ, собирающимъ на ряду съ данью и другіе сборы; неразлучнымъ его товарищемъ является писецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣляется объектъ дѣятельности обоихъ: люди данные и письменные, первые наши крѣпостные(?) крестьяне, удерживаемые на своихъ земляхъ не запрещеніемъ уходить, а запрещеніемъ владѣльцамъ другихъ земель принимать ихъ къ себѣ; князья крѣпко дер-

¹⁾ *Наблюдатель*, 1887, № 1, 66.

²⁾ Историческое обозрѣніе измѣненій въ правѣ поземельной собственности и въ состояніи крестьянъ. *Архивъ истор. и практич. сел.*, 1859, кн. 2, стр. 30 и 50: „А письменныхъ (тоже что численныхъ) ему тяглыхъ мѣхъ людей къ себѣ не примати“.

жаты за это населеніе, связывал его данною раскладкою и развивая такимъ образомъ идею *тягла*. Термины людей тяглыхъ, данныхъ, письменныхъ (слѣдовало бы прибавить — численныхъ) становятся синонимами.... такимъ образомъ татарская дань способствовала закрѣпленію на мѣстѣ крестьянскаго населенія“¹⁾.

Къ сожалѣнію, аргументація автора въ данномъ случаѣ не устраняетъ цѣлаго ряда недоумѣній, возникающихъ одинаково какъ при чтеніи вышеприведенныхъ словъ, такъ и при оцѣнкѣ мнѣнія Сперанскаго. По сколько вѣроятною можно считать догадку о времени возникновенія идеи тягла, по стольку же сомнительнымъ кажется утвержденіе, будто съ идеею тягла связано прикрѣпленіе къ мѣсту жительства крестьянскаго населенія. Идея тягла сама по себѣ не заключаетъ еще признака прикрѣпленія къ этому тяглу, тѣмъ болѣе прикрѣпленія къ мѣсту жительства. Еслибы между тягломъ и прикрѣпленіемъ существовала столь тѣсная связь, въ силу которой записка въ тягло означала бы и прикрѣпленіе къ нему, то въ такомъ случаѣ были бы излишни всякія запрещенія перезывать и селить *тяглы* крестьянъ, разъ они были прикрѣплены уже самою припиской къ тяглу. По этимъ соображеніямъ представляется болѣе вѣроятнымъ иной порядокъ явленій въ историческомъ генезисѣ крестьянскаго прикрѣпленія: оно начинаетъ возникать гораздо позднѣе, думаемъ, не ранѣе половины XV вѣка, на почвѣ уже выяснившейся идеи тягла.

Памятники половины XV вѣка прежде всего свидѣтельствуютъ, что княжескія правительства принимаютъ мѣры противъ нарушенія тѣхъ запретовъ принимать мѣстныхъ волостныхъ людей, съ какими мы встрѣчаемся въ жалованныхъ грамотахъ. Такъ, въ грамотѣ тверскихъ князей Отрочу монастырю 1437 — 1461 г. впервые находимъ любопытную санкцію обычнаго запрещенія: „также архимандриту изъ нашея отчины людей волостныхъ въ монастырскіе села не примати, а приметь-ли кого, *ио нятыхъ имати*..... какъ намъ будетъ любо; а приметь ли кого прикащикъ архимандричь, *ио его казнити*“²⁾. Здѣсь косвенная мѣра къ ограниченію крестьянскаго перехода получаетъ характеръ юридической мѣры, непосредственно касающейся крестьянъ: князья оставляютъ за собой право принятыхъ волостныхъ крестьянъ брать изъ-за монастыря. Намеки на по-

¹⁾ Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, С.-Иб. 1892, стр. 21.

²⁾ А. Э. I, № 34.

добную же практику можно отмѣтить и въ болѣе древнихъ памятникахъ. Въ жалованной грамотѣ нижегородскаго князя Благовѣщенскому монастырю, дословно подтвержденной и великимъ княземъ Василиемъ Дмитріевичемъ въ 1423 г., между прочимъ, упомянуто: „А что ми сказывалъ архимандритъ Малахѣй, что перенялъ моихъ сиротъ... а они пошли изъ моея отчины и онъ ихъ у себя осадилъ, и тѣхъ людей вѣдаетъ и судитъ архимандритъ самъ по пошинѣ, а даетъ съ нихъ дань мою по силамъ“¹⁾. Нарушеніе запрета принимать мѣстныхъ жителей не влечетъ никакихъ послѣдствій только по особому пожалованію и въ виду особыхъ условий: князю было выгодно оставить крестьянъ въ предѣлахъ княжества, хотя бы на монастырской землѣ, чѣмъ потерять вовсе тяглыхъ людей.

Съ половины XV вѣка встрѣчаются и прямыя воздѣйствія правительства на свободу крестьянскаго передвиженія, въ видѣ ли ограниченія перехода установленнымъ срокомъ, или же въ формѣ окончательнаго воспрещенія крестьянскаго выхода. Но эти мѣры проводятся въ грамотахъ внѣ прямой связи съ государственнымъ тягломъ, а скорѣе обусловлены или частною задолженностью (по отношенію къ монастырскимъ серебряникамъ), или же особыми осложнившимися подъ вліяніемъ времени условіями крестьянской аренды на частныхъ и государственныхъ (черныхъ) земляхъ (по отношенію къ крестьянамъ старожильцамъ).

Всѣ эти ограничительныя мѣры отнюдь не нашли себѣ полнаго выраженія въ первомъ общемъ московскомъ законѣ. Установивъ единообразный срокъ перехода и условія платы за пользованіе дворомъ, судебники не упоминаютъ ни о какихъ другихъ ограниченіяхъ. Значитъ ли это, что ихъ и не существовало за все это время? Едва ли это такъ. Въ специальной литературѣ неоднократно было обращено вниманіе на наличность условій, затрудняющихъ и даже совершенно устраняющихъ свободу крестьянскаго перехода, которыя продолжали существовать и развиваться даже помимо законодательныхъ опредѣленій силою живой практики въ теченіе всего XVI вѣка. Хотя эти указанія подвергнуты сомнѣнію, едва-ли однако можно считать ихъ окончательно устраненными. Защищать высказанныя мнѣнія во всемъ объемѣ мы не считаемъ возможнымъ. Но позволимъ себѣ отмѣтить нѣсколько данныхъ, не старше половины XVI вѣка, указывающихъ на

¹⁾ А. Э. I, №№ 18 и 21.

существованіе такихъ преградъ свободѣ крестьянскаго перехода, о которыхъ ничего не знаютъ судебники.

Недавно, между прочимъ, высказано мнѣніе, что судебникъ 1497 года, санкціонуя порядокъ вещей, сложившійся долгой практикой, „предоставляетъ право отказа всякимъ крестьянамъ, безъ различія тяглыхъ и нетяглыхъ“. Не дѣлаетъ этого различія и судебникъ царскій. Указаны и факты въ подтвержденіе того, что это правило судебныхниковъ соблюдалось и на практикѣ: выходъ и вывозъ тяглыхъ крестьянъ считался совершенно законнымъ ¹⁾. Но есть основаніе думать, что подобная практика вовсе не была общею и повсемѣстною. На ряду съ указанными фактами извѣстны и также отмѣчены свидѣтельства памятниковъ совершенно противоположныя. Въ уставной важской грамотѣ 1552 предоставлено право посадскимъ и волостнымъ людямъ „въ пустыя деревни и на пустоши и на старыя селища хрестьянъ называть и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безошлинно и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ преже того“ ²⁾. Рядомъ съ этимъ, въ жалованныхъ грамотахъ Строгановымъ 1564 и 1568 годовъ не только запрещено называть и принимать тяглыхъ и письменныхъ людей, но велѣно такихъ тяглецовъ, пріѣхавшихъ къ Строгановымъ, отсылать обратно на прежнія мѣста жительства по отпискамъ мѣстныхъ властей ³⁾. Къ этимъ свидѣтельствамъ можно еще присоединить болѣе древнее указаніе уставной грамоты (къ сожалѣнію, дефектной) крестьянамъ Маревской слободы 1530 года. Въ ней читаемъ: „...тяглый чрезъ сю мою грамоту, и слободчики его примуть къ Солѣ жити, и мнѣ того велѣти опять назадъ отвезти, къ той Соли, отъ которой къ нимъ придетъ, а на слободчикѣхъ мнѣ велѣти взяти заповѣди 10 рублей московскую“. Не смотря на дефектъ, можно съ очевидностью заключить изъ этихъ словъ, что грамотой не только запрещено принимать тяглыхъ людей, а пришедшихъ велѣно возвращать назадъ, но даже установленъ штрафъ за пріемъ такихъ людей. Такое толкованіе подтверждается и другимъ мѣстомъ той-же грамоты: „кто къ намъ придетъ должной человѣкъ, нетяглой и неписменной, опречь слободчиковъ, которые въ сей грамотѣ писаны...“ ⁴⁾. Выше-

¹⁾ Русск. юридич. древности, т. I, 197—198.

²⁾ А. Э. I, стр. 238.

³⁾ Д. къ А. II. I, стр. 169 и 178.

⁴⁾ Тамъ же, № 26.

приведенія указанія важской грамоты и грамотъ Строгановымъ послужили даже основаніемъ для вывода, что „со времяъ Ив. Вас. Грознаго мы видимъ уже укрѣпленіе тяглыхъ людей.... Вообще со второй половины XVI вѣка съ тяглыми людьми обращаются уже какъ съ крѣпостными“¹⁾. Эта догадка не получила должной оцѣнки, надо думать, потому, что основана на сравнительно незначительномъ числѣ фактовъ. Потому, вѣроятно, и самымъ фактамъ старались дать иное толкованіе. Такъ, напримѣръ, важное ограничительное правило уставной Важской грамоты объясняютъ, какъ исключеніе изъ общаго правила, вызванное особыми условіями мѣстной жизни: жители Важскаго уѣзда „жаловались царю, что у нихъ многія деревни запусѣли отъ намѣстниковъ и ихъ тиуновъ и доводчиковъ, что крестьяне отъ продажъ и тяжбебъ разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказа и просили отмѣнить намѣстниковъ и предоставить имъ управляться своими выборными. Государь соизволилъ, челобитье удовлетворилъ и предоставилъ вывозить ушедшихъ обратно. Предполагалось, конечно, что они и сами должны возвратиться, такъ какъ причина ухода ихъ уничтожена“²⁾. Такое толкованіе вызываетъ, однако, сомнѣніе и прежде всего относительно мотивовъ, вызвавшихъ будто бы эту исключительную законодательную мѣру. Можно подумать, что злоупотребленія намѣстниковъ въ связи съ реформой мѣстнаго управленія продиктовали московскому правительству экстренную и временную мѣру о выводѣ безсрочно и безошлинно старыхъ тяглецовъ на прежнія мѣста ихъ жительства. Но изъ грамотъ Строгановымъ видно, что наравнѣ съ выборными головами намѣстники и волостели всѣхъ городовъ и волостей получили право вызывать обратно вышедшихъ тяглецовъ, и при томъ безразлично, вышли-ли они въ срокъ и съ отказомъ, или съ нарушеніемъ этихъ правилъ; по крайней мѣрѣ, грамоты говорятъ огульно о вышедшихъ тяглецахъ³⁾. Несомнѣнно поэтому, что означенное ограниченіе перехода не стоитъ ни въ какой связи съ тою или иною организациею мѣстнаго управленія.

¹⁾ Б. Чичеринъ, Опыты etc., 190.

²⁾ Русск. юридич. древности, т. I, 241.

³⁾ „А прїѣдетъ кто къ Григорью (въ другой грамотѣ: къ Якову) изъ иныхъ городовъ нашего государства или изъ волостей тяглые люди съ женами и съ дѣтьми и стануть о тѣхъ тяглыхъ людехъ присылати намѣстники или волостели или выборные головы, и Григорью тѣхъ людей тяглыхъ съ женами и съ дѣтьми отсылати опять въ тѣ жъ города, изъ котораго города о которыхъ людехъ отпшуть именно, а у себя ему тѣхъ людей и не держати и не примати ихъ“. Д. въ А. И. I, стр. 169 и 173.

Повидимому, ближе къ разгадкѣ вопроса подходитъ авторъ „Спорныхъ вопросовъ финансовой исторіи“. Онъ указываетъ, что въ составѣ населенія владѣльческихъ вотчинъ можно отмѣтить два элемента: наряду съ населеніемъ, „порядившимся“ въ крестьянство, стало быть подвижнымъ, „мы вездѣ видимъ на владѣльческихъ земляхъ „старожильцевъ“, живущихъ полвѣка или цѣлый вѣкъ на той же землѣ, на ней родившихся, съ нею перешедшихъ отъ владѣльца къ владѣльцу. Въ 1578 году встрѣчаемъ одну грамоту о невывозѣ монастырскихъ крестьянъ въ дворцовыя села, потому что они старожильцы, и „тѣ села и деревни за монастырь достались съ тѣми крестьяны“. Несравненно чаще и раньше (?) это запрещеніе принимать крестьянъ—преимущественно съ княжескихъ, но иногда и съ владѣльческихъ земель—связывается съ фактомъ записки ихъ въ книги и въ тягло (въ выти). Итакъ, фактическое пребываніе въ теченіе долгаго времени на одномъ мѣстѣ, вступленіе въ тяглую организацію, закрѣпленное книгами,—становится основаніемъ своего рода крѣпости, на ряду съ частными договорами“¹⁾. Къ сожалѣнію, изъ этихъ словъ нельзя вывести съ надлежащей опредѣленностью, о какой своеобразной крѣпости говоритъ авторъ, и къ какому времени слѣдуетъ относить описываемые имъ порядки. Если здѣсь имѣется въ виду сказанное раньше авторомъ о возникновеніи идеи тягла со временъ татарскихъ переписей, то все-же остается не совсѣмъ яснымъ выраженіе: „несравненно чаще и раньше“, такъ какъ среди „явленій, доступныхъ наблюденію со второй половины XIV вѣка“, старожильцы занимаютъ очень замѣтное положеніе на ряду съ письменными и тяглыми людьми.

Выше уже было замѣчено, что запрещеніе землевладѣльцамъ въ XIV—XV вѣкахъ перезывать и селить тяглыхъ людей указываетъ, что послѣдніе пользуются свободой перехода. При существованіи нѣсколькихъ княжествъ эта мѣра ограничивала права землевладѣльцевъ и лишь фактически стѣснила свободу перехода. Съ объединеніемъ сѣверо-восточной Руси такое косвенное ограниченіе должно было-бы потерять свое значеніе, какъ излишнее: въ рукахъ московскаго правительства было достаточно прямыхъ средствъ, чтобы устранить невыгодное явленіе произвольнаго выхода изъ тягла. Однако старое правило, ограничивающее землевладѣльцевъ въ пріемѣ тяглецовъ, продолжаетъ существовать. За XVI вѣкъ можно отмѣтить нѣсколько ука-

¹⁾ П. Миллюковъ, Спорные вопросы, стр. 31; ср. стр. 20.

заній подобнаго рода ¹⁾). Съ одной стороны, эти предписанія грамотъ могли имѣть простое значеніе переживанія старыхъ порядковъ; съ другой—они могли и должны были получить иной смыслъ соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ и привести мало по малу къ выработкѣ правила, получившаго выраженіе не только въ уставной важской грамотѣ и въ грамотахъ Строгановымъ, но и въ другихъ аналогичныхъ документахъ.

Подтверженіемъ тому могутъ служить и напечатанныя въ приложенияхъ грамоты. Изъ нихъ видно, какая упорная борьба ведется между тяглыми общинами и землевладѣльцами (монастырями) изъ-за каждаго лишняго тягльца. Тяглые рыболовы или городскія тяглые общины не упускаютъ случая, чтобы оттягать у монастырей ихъ жильцовъ и приписать ихъ въ свое тягло. Монастыри борются противъ такихъ захватовъ всѣми имѣющимися средствами и въ жалобахъ на имя государя не щадятъ красокъ, чтобы подтвердить свои права

¹⁾ Въ жалованной грамотѣ 1517 г. на дикіе лѣса въ Устюж. уѣздѣ: „и кого къ собѣ... и мое в. кн. отчины и неписменныхъ“, А. Ф. I, № 163; въ жал. гр. на дикія мѣста въ Двинскомъ уѣздѣ 1524 г.: „людей къ собѣ звати на тѣ мѣста не-тяглыхъ и неписменныхъ... а писменныхъ тяглыхъ и лихихъ людей къ собѣ не примати“, тамъ-же, № 385; въ грамотѣ вологодскимъ оброчнымъ сокольникамъ 1540 г.: „и кого къ собѣ ни призовутъ на тотъ лѣсъ жити людей неписменныхъ и не тяглыхъ“, А. Н. I, № 295; то же повторено въ грамотѣ 1548 г., тамъ-же, № 301; въ грамотѣ 1541 сент. 22 Рождественскому Богородицкому монастырю въ г. Владимірѣ на с. Батюшково: „и архимандриту въ то село называти крестьянъ неписменныхъ и нетяглыхъ“, Арх. М. Ю., Владимір. у. № $\frac{17}{1794}$; въ грам. 1546 г. вятчанамъ Шестаковского городка: „которые учнутъ нынѣ приходи на лѣсъ жити неписменные и нетяглые“, А. Ф. I, № 210; въ грам. 1547 г. Вассіановой пустыни въ Каргопол. уѣздѣ: „лѣсъ сѣчи и двory ставити и пашню пахати и людей къ собѣ называти не писменныхъ и не тяглыхъ“, А. Н. I, № 147; въ льготной грамотѣ 1575 г. Нв. Гр. Нагому на запусѣвшія вотчины: „а называти ему на льготу крестьянъ, отъ отцовъ дѣтей, отъ братьевъ братью и отъ дядь племянниковъ и отъ сусѣдъ захребетниковъ, а не съ тяглыхъ черныхъ мѣсть; а съ тяглыхъ черныхъ мѣсть на льготу ему крестьянъ не называти“, Арх. М. Ю., Юрьевск. у. № $\frac{30}{14580}$; въ писцовой книгѣ 1580 г. земель в. кн. Семіона Бекбулатовича въ Тверскомъ уѣздѣ: „а на пустыя выти называти жильцовъ на льготу, отъ отцовъ дѣтей, отъ дядь племянниковъ, или кто нябуди заводостной порядитца..., а тутошнихъ крестьянъ селчанъ и деревенчиковъ съ пашенъ въ тѣ пустыя двory не радити“, Писц. книги М. государства I, отд. II, стр. 294, 329 и 336; въ грам. 1584 г. митр. Діонісію на слободку Святославу: „людей моихъ изъ всѣхъ нашихъ городовъ и сель въ слободку не примати, а мѣ царю и в. кн. въ свою отчину во всѣ города и въ села слободчанъ не примати“, А. Н. I, № 215.

и доказать незаконность притязаній тяглыхъ общинъ. Въ этихъ жалобахъ и доказательствахъ прежде всего заслуживаетъ вниманія одна отрицательная подробность: въ нихъ нѣтъ ссылокъ на нарушеніе или выполненіе правилъ судебниковъ о крестьянскомъ отказѣ. Идетъ ли рѣчь о томъ, какъ и когда оказались за монастыремъ тѣ или другіе жильцы и крестьяне, или о томъ, что этихъ жильцовъ переводятъ къ себѣ въ тягло на посадъ посадскіе люди,—о Юрьевѣ днѣ ни разу не упоминается. Чтобы подтвердить законность своихъ правъ и несомнительность притязаній противной стороны, монастыри и посадки приводятъ различныя доказательства, но въ числѣ ихъ о свободѣ крестьянскаго перехода въ Юрьевъ день рѣчи уже нѣтъ. Знаменательная подробность! Какимъ же доказательствамъ монастырскія власти придаютъ рѣшающее значеніе? Между ними обращаютъ на себя вниманіе ссылки двоякаго рода: по однимъ—переходъ крестьянъ въ разрядъ монастырскихъ жильцовъ оправдывается и представляется монастырскимъ властямъ правомѣрнымъ потому только, что перезванные крестьяне оставили вмѣсто себя на прежнихъ мѣстахъ новыхъ жильцовъ; по другимъ—монастыри считаютъ домогательства тяглыхъ общинъ перевести на посадъ въ тягло монастырскихъ жильцовъ потому неправильными и незаконными, что эти люди—старинные монастырскіе жильцы, старожильцы.

Ссылки перваго рода столь категоричны, что не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній. Такъ, изъ грамоты нижегородскимъ ключникамъ 1576 года видно, что власти Новодѣвичья монастыря призвали на свой монастырскій дворъ трехъ крестьянъ нижегородскихъ, „а жили де они въ черныхъ тяглыхъ дворѣхъ, а какъ вышли въ ихъ монастырскій дворъ и они посадили въ своихъ дворѣхъ иныхъ жильцовъ“. Такъ какъ нижегородскіе цѣловальники „емлютъ ихъ на черныя на тяглыя мѣста, въ старыя ихъ дворы“, то игуменья съ сестрами и обратились къ государю съ просьбой,—этихъ трехъ крестьянъ „съ ихъ монастырскаго двора въ посадскіе въ тяглыя дворы имати не велѣти“. Царь удовлетворилъ это челобятіе ¹⁾). Въ другой грамотѣ 1582 года переяславскимъ городовымъ прикащикамъ приводится жалоба архимандрита Спасскаго монастыря въ Ярославль, что съ монастырскаго осаднаго двора переяславскіе посадскіе люди вывели монастырскаго дворника „сильно не по нашему указу. А тотъ де Демка пришелъ въ монастырскаго дворъ въ дворники изъ села изъ Первятица, а жилъ де опъ

¹⁾ Приложение I.

въ селѣ въ Первятинѣ въ бобыляхъ, а не на пашнѣ. А какъ де изъ села изъ Первятина въ Переяславль на посадъ на монастырской дворъ въ дворники вышелъ и въ свое де мѣсто въ селѣ Первятинѣ жильца оставилъ“¹⁾). Отсюда видно, что для законности перехода даже по отношенію къ тяглымъ крестьянамъ считалось совершенно достаточнымъ посадить при выходѣ на свое мѣсто другаго жильца, при чемъ не упоминается ни о какомъ установленномъ для перехода срокѣ. Выгодная сторона этого вида перехода для землевладѣльцевъ и тяглыхъ общинъ очевидна; лишь бы оставленный жилецъ принялъ на себя всецѣло покинутое тягло. Поэтому, вѣроятно, и въ крестьянскихъ порядныхъ и поручныхъ встрѣчается, между прочимъ, условіе при выходѣ „жильца посадить“ или проще „земли въ пустѣ не покинуть“²⁾) Помянутая грамота 1582 года даетъ еще поводъ къ предположенію, что эта форма перехода получила законодательную санкцію, такъ какъ выводъ такихъ перезванныхъ жильцовъ въ тягло на посадъ названъ въ грамотѣ два раза насильственнымъ, противорѣчащимъ государеву указу: въ грамотѣ говорится „вывезли сильно, не по нашему указу“, „хотятъ вывести сильно, не по нашему указу“. Въ виду приведенныхъ данныхъ высказанное уже, но недостаточно подкрѣпленное, мнѣніе о существованіи особой формы перехода для тяглыхъ крестьянъ получаетъ новое подтвержденіе³⁾); остается лишь открытымъ вопросъ, когда возникъ и санкціонированъ этотъ видъ перехода: до судебника 1550 года или позднѣе.

Переходимъ къ разсмотрѣнію явленій другаго порядка. Монастыри считаютъ своимъ правомъ не выпускать изъ-за себя жильцовъ, не смотря на домогательство тяглыхъ общинъ и дворцовыхъ приказныхъ людей, потому что считаютъ этихъ жильцовъ своими старожильцами. Такъ, въ грамотѣ 1577 года указывается, что архимандритъ Спаскаго

¹⁾ Приложение IV.

²⁾ А. Ю. МѢ 187 (1596) и 290 II (1608) и IV (1610).

³⁾ *Бѣллетъ*, Крестьяне на Руси, изд. 2, стр. 78: „была и другая форма перехода для тяглыхъ крестьянъ,—крестьянинъ имѣлъ право продать свой дворъ или прискаты на свое мѣсто жильца, который бы принялъ на себя все обязанности члена общины; и тогда крестьянинъ, прискавшій такого жильца, имѣлъ полную свободу переходить куда угодно и въ какой угодно срокъ, но не освобождался отъ платежа за пожилое“. Единственная ссылка автора на соловецкую уставную грамоту не подтверждаетъ всего сказаннаго въ текстѣ; въ ней идетъ рѣчь о монастырскихъ крестьянахъ и предусмтрѣнъ лишь случай продажи жеребья съ уплатой за то пошлины. Ср. В. Ключевскій, Происхожденіе вѣрнопостнаго права, *Русская Мысль*, 1885, окт., стр. 11—12, 23—24.

монастыря въ Ярославѣ не хочетъ допустить вывоза крестьянъ изъ монастырскихъ деревень въ дворцовое село Давыдково, такъ какъ „тѣ крестьяне въ монастырскихъ селахъ и въ деревняхъ старожильцы“¹⁾. Изъ другой грамоты 1587 года видно, что власти Троице-Сергіева монастыря жаловались на переяславскаго государева ключника, который „у нихъ взялъ ихъ троецкаго неводчика Левку невѣдомо по чему“. Бояринъ и дворецкій Гр. Вас. Годуновъ предписалъ городовому прикащику про Левку сыскать, „да будетъ въ обыску скажутъ, что тотъ неводчикъ Левка истари троецкой,... и ты бѣ его отдадь назадъ къ Троецѣ“²⁾.

Обычный институтъ старожильства представляетъ одно изъ любопытныхъ, но къ сожалѣнію мало выясненныхъ, явленій общественнаго быта древней Руси. Онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ отнюдь не правительственной практикѣ московскихъ государей; корни его восходятъ къ глубокой старинѣ: еще Псковская судная грамота знаетъ „старыхъ изорниковъ“. Не смотря однако на столь продолжительный періодъ своего существованія, этотъ институтъ въ своихъ основныхъ чертахъ заключаетъ много неопредѣленнаго и неяснаго. Поэтому, конечно, и то небольшое, что высказано въ литературѣ о старожильцахъ, очень мало выясняетъ ихъ бытовья и юридическія особенности. Кто считался старожильцемъ, и въ чемъ заключались особенности ихъ положенія среди сельскаго населенія древней Руси? Дать категорическій отвѣтъ на эти вопросы представляетъ значительныя трудности. Предлагаемъ попытку представить сводъ хотя нѣкоторыхъ чертъ этого института.

Памятники XIV—XVI вѣковъ перѣдко говорятъ о старожильцахъ, но соединяютъ съ этимъ терминомъ не тождественныя понятія. Кромѣ старожильцевъ среди сельскаго населенія, живущаго на частныхъ и черныхъ земляхъ, памятники чаще упоминаютъ о старожильцахъ, какъ о своего рода свидѣтеляхъ-послухахъ въ поземельныхъ процессахъ, показаніями которыхъ провѣряются утвержденія сторонъ о правахъ на владѣніе тѣми или другими участками земли или о границахъ такихъ участковъ. Каждая сторона представляетъ своихъ особыхъ старожильцевъ, которые должны были не только подтвердить всѣ заявленія сославшейся на нихъ стороны, но еще подкрѣпить свои показанія крестнымъ цѣлованіемъ и готовностью выйдти „на поле битися“

¹⁾ Приложение III.

²⁾ Приложение V.

съ старожильцами противной стороны ¹⁾. Эти „судные старожильцы“, конечно, не совпадаютъ по своимъ признакамъ съ сельскими старожильцами-арендаторами. Въ числѣ судныхъ старожильцевъ могли быть люди весьма различныхъ профессій и общественныхъ положеній ²⁾, хотя фактически крестьяне являлись въ этой роли гораздо чаще, чѣмъ другіе разряды населенія. Главное требованіе, которому долженъ удовлетворять судный старожилецъ, помимо условія быть „добрымъ мужемъ“, сводилось къ тому, что онъ долженъ помнить мѣстные условія за много лѣтъ назадъ, быть „знахаремъ“. Чѣмъ дальше въ глубь времени проникала память старожильца, тѣмъ чаще могли поवादобиться его показанія. Изъ судныхъ дѣлъ видно, что въ качествѣ старожильцевъ фигурировали лица, помнящія за 100 и даже болѣе лѣтъ. Но на ряду съ ними встрѣчаются и такіе старожильцы, которые помнятъ только за 20 и даже за 15 лѣтъ ³⁾. И эти „молодые старожильцы“ допускаются на судъ также свободно, какъ и старожильцы древніе, и нельзя утверждать, чтобы судья различнымъ образомъ цѣнили показанія тѣхъ и другихъ.

Спрашивается, были ли судные старожильцы изъ крестьянъ въ то же время старожильцами арендаторами у землевладѣльцевъ и тяглыхъ общинъ? Такое совпаденіе въ отдѣльныхъ случаяхъ, конечно, могло имѣть мѣсто ⁴⁾. Но помимо случайнаго совпаденія старо-

¹⁾ Ср. *Н. Дювернуа*. Источники права и судъ въ древней Россіи, 391—399.

²⁾ Акты Ѳедотова-Чеховскаго I, стр. 68, 79, 122 и проч.; Опис. докум., арх. мнн. вѣст. IV, стр. 105.

³⁾ Акты Ѳед.-Чех. I, стр. 20, 46, 71 и др.

⁴⁾ Въ судномъ дѣлѣ между Ѳерапонтовымъ и Кирилловымъ монастырями о пожнѣ 1505—1538 г. старожилецъ Гридка Мелеховъ сказалъ: „а язъ помню за 60 лѣтъ; а отецъ мой, живучи за Ѳерапонтовымъ монастыремъ, косилъ ту пожню 60 лѣтъ, а язъ косилъ и нынѣча 40 лѣтъ и до лонскаго лѣта“; старожилецъ другой стороны показалъ: „язъ помню 30 лѣтъ... а язъ Якуна и нынѣча ту пожню кошу изъ Кирилловскіе деревни изъ Костровскіе полтретятдцать лѣтъ“ (А. Ѳ. Ч. I. 2). Въ другомъ дѣлѣ того же времени между тѣми же монастырями старожилецъ сказалъ, что помнитъ за 30 лѣтъ, „да преже меня отецъ мой косилъ тѣ пожни, живучи за Ѳерапонтовымъ монастыремъ 40 лѣтъ“ (ib. 9). Въ спорѣ Загѣсской волости съ Троицкимъ монастыремъ 1505—1533 г. одинъ старожилецъ показалъ: „язъ живу въ Матвювской деревнѣ въ монастырской 20 лѣтъ да 2 и ту пустошь кошу“ (ib. 12). Особенно любопытны показанія старожильцевъ въ тяжбѣ Мохрицкаго монастыря съ крестьяниномъ Давыдомъ Шободой о деревнѣ Ѳеденинѣ половины XV вѣка: „И Юрени до Перхуръ тако ркли: мы жили въ той деревнѣ при Олександрѣ при Володимировичѣ 10 лѣтъ, а ту землю есмя нахали Лантовскую, да опять то село Зеленцино далъ Олександръ и съ тою де-

жильство судное должно было удовлетворять известнымъ условіямъ, подѣ которыя могли и не подойти старожильцы арендаторы. Въ судныя старожильцы нужно было „ставиться“, то-есть, принять на себя обязательство выступить старожильцемъ на судѣ со стороны истца или отвѣтчика; старожильцы должны были соответствовать нѣкоторымъ условіямъ нравственнымъ и общественнымъ, обезпечивающимъ за ними безпристрастіе показаній, иначе судъ или противная сторона могли ихъ отвести ¹⁾). Но, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить и одной общей черты того и другаго вида старожильства: это известная давность населенія или жительства. Сколько-же времени нужно было прожить на землѣ, чтобы считаться крестьяниномъ старожильцемъ? Точнаго отвѣта на этотъ вопросъ памятники не даютъ. Безспорно, что крестьяне, сидящіе на участкахъ 15—20 лѣтъ и болѣе, какъ видно изъ указанныхъ документовъ, считаются старожильцами. По свидѣтельствамъ другихъ источниковъ можно заключить, что порядившіеся вновь во крестьяне, даже перешедшіе изъ другихъ княжествъ и получившіе различныя податныя льготы, по истеченіи 10 лѣтъ приравнивались, по крайней мѣрѣ по своему податному положенію, мѣстнымъ старожильцамъ ²⁾). Но признать и этотъ 10-лѣтній срокъ минимальнымъ для возникновенія старожильства нельзя. Памятники нерѣдко гонорятъ о старожильцахъ въ общихъ выраженіяхъ, называя старожильцами крестьянъ, „которые въ тѣхъ деревняхъ напередъ сего живали“, или „которые люди у нихъ туту живутъ тутуш-

ревнемъ... монастырю къ Троицѣ по сыну, и мы жили за монастыремъ пять лѣтъ, а ту землю есми нахали. Изъ Максимко жилъ въ той же деревнѣ Феденинѣ за монастыремъ 5 лѣтъ, а то же есми селище Лаутово нахалъ. А Буженина такъ рекъ: азъ туту жилъ въ той деревнѣ Феденинѣ 2 году, а ту землю есми Лаутевскую нахалъ“ (ib. 81). Ср. еще стр. 24, 125, 130 и др.

¹⁾ „Широкой Кузьминъ писцомъ являеть, что его били Третьковы люди, потому что ставился въ старожильцы у старцевъ“. „Писцы старца Сергѣя отъ старожильства отставили, п. ч. Ворбозомскіе волостіана ищутъ на всѣхъ старцахъ, а онъ хочетъ въ старожильцехъ отводити землю“. „Троецкой слуга Пвашко билъ челомъ писцамъ, а сказалъ: ставяеть, господине, въ старожильцехъ балахонцы... Васка кабатчика, а тотъ Васко не доброй человекъ: прежь того онъ на Балахнѣ и кнутемъ битъ“ (А. Э. Ч. I, 78, 122), 209; „Ино знахарю Гридкѣ Алексѣеву тридцати лѣтъ отъ роду итъ, и ты, господине судья, обыщи лѣта его, да постави его передъ вел. княземъ“ (Оп. докум. арх. мин. юст. IV, 107). Ср. *Лебедевъ*, Собраніе историко-юридическихъ актовъ Бѣльева, стр. 8—11.

²⁾ Въ жалованной грамотѣ Благовѣщенскому монастырю 1410—1417 гг. перезванымъ инокинямъ предоставлена льгота на 10 лѣтъ: „а уживуть 10 лѣтъ ж они потянутъ съ старожильцы по силѣ“ (А. Э. I, № 17; ср. № 20).

ніе старожильды⁴, или „тутошніе старожильцы, которые прежь того туто-жь живали“¹⁾, безъ всякаго опредѣленія срока жительства. Въ этомъ смыслѣ памятники противопологаютъ старожильцевъ крестьянамъ, перезваннымъ изъ иныхъ княженій, вновь порядившимся на папню, людямъ пришлымъ, „новикамъ“ или „новоприходцамъ“²⁾. Мало того. Изъ обычнаго правила—не принимать мѣстныхъ крестьянъ—княжескія правительства допускали любопытное изъятіе: землевладѣльцы могли перезывать обратно жившихъ уже у нихъ крестьянъ, хотя бы они перешли къ кому-либо и въ предѣлахъ княжеской территоріи. Эта категория крестьянъ тоже носитъ названіе старожильцевъ: „и кого къ себѣ призвуть людей жити на тѣ земли старожильцевъ, которые будутъ и прежь того на нихъ живали“; или: „кого призвуть на тѣ земли на пустые жити людей старожильцевъ, которые будутъ пережь сево живали на тѣхъ земляхъ, а придуть къ нимъ опять на своѣ мѣста“³⁾. Эти *пришлые* старожильцы окончательно спутываютъ терминологию и мѣшаютъ расчленивъ разряды сельскихъ арендаторовъ не только для современнаго изслѣдователя, но, можно думать, и для наблюдателя той эпохи. Если крестьянинъ, порядившійся безъ срока и затѣмъ черезъ годъ перешедшій въ дворцовую вотчину, могъ быть перезванъ обратно въ установленный для перехода срокъ на томъ только основаніи, что онъ и раньше жилъ у того же хозяина, то такой крестьянинъ одновременно могъ оказаться старожильцемъ по отношенію къ двумъ и даже нѣсколькимъ землевладѣльцамъ. Не беремъ утверждать, что такая запутанность отношеній могла имѣть важныя юридическія послѣдствія уже въ XV вѣкѣ. Но въ XVI столѣтіи съ постепенной выработкой идеи прикрѣпленія къ тяглу такая неопредѣленность несомнѣнно приводила къ неоднократнымъ жалобамъ и процессамъ. Вышеуказанныя грамоты 1577 и 1587 гг. служатъ тому нагляднымъ подтвержденіемъ. Но онѣ-же убѣждаютъ и въ томъ, что само правительство не имѣло въ рукахъ готоваго критерія для правильнаго разрѣшенія такихъ споровъ. Въ одномъ случаѣ оно предоставило мѣстной власти произвести обыскъ, и если въ обыскѣ подтвердятъ, что неводчикъ

¹⁾ Акты Фед. Чет. I, 246 (1598); А. Ю. Б. I, № 31 XII (1453); А. Э. I, № 44 (1449); Опис. docum. арх. м. ю. IV, 109 (1462).

²⁾ А. Э. I. №№ 53 (1453), 56 (1455), 374 (1455); А. И. I. №№ 49 (1450), 74 (1462—1467), 108 (1499); Д. къ А. И. I. № 201 (1468).

³⁾ А. Э. I, № 51 (1453); А. Ю. Б. I, № 31 XIX (1471). Ср. *Горбуновъ*, Льготныя грамоты, *Арх. Калачова* 1860—1861 г., кп. V, 26—27.

Левка *изстари* троицкій, то предписывалось его вернуть монастырю. Въ другомъ случаѣ велѣно сыскать: „тѣ крестьяне преже сего въ селѣ Давыдковѣ живали-ли; и будетъ живали, *сколь давно* вышли, о срокѣ-ли Юрьевѣ дни и съ отказомъ, или не о срокѣ, безъ отказу и безошлянно... и мы по обыску о тѣхъ крестьянѣхъ указъ учинимъ“. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ рѣшенъ этотъ споръ о старожильцахъ. Можно, однако, усомниться въ томъ, чтобы добытыя слѣдствіемъ въ томъ или другомъ случаѣ данныя были разрѣшены на основаніи одного общаго правила, такъ какъ, повидимому, и не существовало общей нормы для разрѣшенія коллизіи правъ землевладѣльцевъ и тяглыхъ общинъ на однихъ и тѣхъ же старожильцевъ.

Такъ какъ законодательство медлило прійти на помощь такимъ настоятельнымъ запросамъ жизни, то сама практика стремилась восполнить этотъ законодательный пробѣлъ. Въ своихъ спорахъ о преимущественныхъ правахъ на крестьянъ старожильцевъ стороны приводить въ подтвержденіе своихъ правъ ссылки не на порядныя и не на правильность крестьянскаго перехода, а на официальные описи и различные документы, утвержденные правительствомъ. Занесеніе въ такіе документы крестьянъ и является презумціею ихъ старожильства у даннаго владѣльца или на данномъ мѣстѣ. Такъ, власти Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ утверждаютъ, что спорные крестьяне должны считаться монастырскими старожильцами потому, что „тѣ села и деревни за монастырь достались съ тѣми крестьяны“. Но переходъ недвижимой собственности въ монастыри въ то время могъ состояться лишь съ доклада государю, который обыкновенно выдавалъ на села и деревни жалованную грамоту, а на крестьянъ послушную, при чемъ нерѣдко производилась и опись имѣнія. Еще убѣдительнѣе подтверждаетъ эту догадку судное дѣло между Благовѣщенскимъ Нижегородскимъ монастыремъ и посадскою общиною изъ-за монастырскихъ бобылей, которое тянулось свыше 40 лѣтъ.

Началось это дѣло еще въ 1592 году. Нижегородскіе земскіе цѣловальщики жаловались на благовѣщенскаго архимандрита, что онъ будто бы завладѣлъ городскимъ выгономъ, и что за монастыремъ „торговые люди на ихъ посадцкихъ на дворовыхъ мѣстѣхъ живутъ и торгуютъ всякими товарами, а тягла государева съ посадцкими людьми не тянутъ и здѣля никотораго не дѣлаютъ“. Монастырскія власти объяснили дѣло совсѣмъ иначе, утверждая, что земли недавно принадлежатъ монастырю, и въ 12 бобыльскихъ дворахъ, которые поставлены подъ монастыремъ, „тѣ бобыли не посадцкіе

люди, пришли изъ дальнихъ мѣстъ и дворники поставили на монастырской землѣ на пустыхъ мѣстѣхъ“; этихъ то бобылей посадскіе люди и приписываютъ къ посаду въ тягло ¹⁾. Чѣмъ кончилось дѣло на этотъ разъ, не извѣстно. Но оно возникло вновь послѣ 1619 г., когда по постановленію земскаго собора производился сыскъ закладчиковъ для приписки ихъ въ тягло. Не смотря на старанія монастырскихъ властей отстоять монастырскую слободку, населенную бобылями и дѣтенышами, въ 1631 г. изъ этой слободки взято на посадъ 75 человекъ крестьянъ, а въ слободкѣ были оставлены только „монастырскіе старинные крестьяне по писцовымъ книгамъ“. Однако посадская община не удовлетворилась такимъ исходомъ дѣла и вопреки предписаніямъ изъ Москвы неоднократно обнаруживала твердую рѣшимость привлечь въ тягло и этихъ оставшихся за монастыремъ крестьянъ. Въ этихъ цѣляхъ земскіе старосты росписали этихъ крестьянъ по своимъ посадскимъ десятиямъ, и сборщики податей облагали ихъ не особо, а вмѣстѣ съ посадомъ и при томъ очень тяжело, по указанію посадскихъ окладчиковъ. Въ маѣ 1633 г. монастырскія власти подали челобитную, въ которой указываютъ, что „нынѣ земскіе старосты на ихъ монастырскихъ крестьянъ похваляются, хотятъ ихъ всѣхъ росписать по своимъ десятиямъ, а говорятъ: какъ де монастырскіе крестьяне въ ихъ посадскихъ десятияхъ *заста- ртютъ*, и та де монастырская слободка и вся будетъ посадская“. Съ своей стороны, монастырскія власти въ октябрѣ 1634 г. сослались въ подтвержденіе своихъ правъ на то, что, когда архимандритъ Іона въ 1632 г. былъ посланъ въ монастырь и монастырь ему *отписанъ*, „тѣ де ихъ бобыли, которыхъ посадскіе люди называютъ новоприбылыми людьми и закладчики, въ отписныхъ книгахъ въ 140-мъ году ему архимандриту *отписаны*, а сверхъ отписныхъ книгъ въ Благовѣщенской слободкѣ у нихъ бобылей никого не прибыло“. Посадскимъ людямъ удалось добыть изъ Москвы грамоту, на основаніи которой велѣно было оставить въ слободѣ только 54 человека, которые „въ писцовыхъ книгахъ за монастыремъ записаны“, а прочихъ взять на посадъ, „для того что они за монастыремъ въ писцовыхъ книгахъ не записаны“. Но власти обратили этотъ аргументъ въ свое оправданіе, указавъ на то, что въ писцовыхъ книгахъ „тѣ ихъ бобыли за монастыремъ не записаны, потому что сошлись за Благовѣщенскій монастырь послѣ писцовъ изъ разныхъ городовъ

¹⁾ Вѣдленскій сборникъ Румянцевскаго музея № 1621, л. 291—294.

вольные люди и живутъ за Благовѣщенскимъ монастыремъ лѣтъ по 7 и по 8 и по 10 и болши, а въ Нижнемъ де на посадѣ не жили и въ писцовыхъ книгахъ къ посаду не приписаны“. На этотъ разъ, какъ видно изъ грамотъ февраля 22-го и марта 7-го 1686 г., побѣда осталась за монастыремъ ¹⁾).

Хотя это дѣло относится къ болѣе поздней эпохѣ, но описанная въ немъ практика—старая: борющіяся стороны стремятся обосновать свои права на крестьянъ данностью, старожильствомъ. Любопытно въ данномъ примѣрѣ особенно то, что здѣсь мы встрѣчаемся съ *старинной* или только что возникшей, или даже еще возникающей. И въ томъ и въ другомъ случаѣ подтвержденіемъ ея являются официальные документы: опись монастырскаго имущества при вступленіи въ должность архимандрита или роспись по тяглымъ десятинамъ, подтвержденная платежными росписками. Но первый изъ документовъ не старѣе двухъ лѣтъ; документальное же подтвержденіе втораго рода еще только подготовлено, но не возникло. Едва ли однако можно сомнѣваться въ томъ, что застарѣть въ десятиныхъ можно было въ столь же краткій срокъ ²⁾). Изъ этихъ сопоставленій еще болѣе уясняется значеніе и вышенприводенной ссылки Спасо-Прославскаго монастыря на то, что „села и деревни достались за монастырь съ тѣми крестьяны“, и вскрываются всѣ трудности обысковъ о старожильствѣ.

При такихъ условіяхъ юридическое значеніе писцовыхъ книгъ получаетъ новое освѣщеніе. Если въ подтвержденіе старожильства приводятся частныя описи и росписи разнаго рода, то рѣшающее значеніе общихъ писцовыхъ книгъ въ такихъ вопросахъ явствуетъ само собой. Стороны не упускаютъ случая привести въ свою пользу и отрицательныя данныя этихъ документовъ, ссылаясь, напримѣръ, на то, что въ писцовыхъ книгахъ крестьяне за монастыремъ не записаны или къ посаду не приписаны. Но и онѣ не смѣютъ оспаривать старины по писцовымъ книгамъ: люди, „которые въ писцовыхъ книгахъ за монастыремъ записаны“, или „старинные монастырскіе крестьяне по писцовымъ книгамъ“ остаются внѣ спора и по предписаніямъ изъ Москвы.

Здѣсь будетъ уместнымъ отмѣтить одну подробность писцовыхъ книгъ, содержащихъ описи крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и людей въ нихъ. Регистрируя имена, прозвища, занятія и размѣръ

¹⁾ Бѣляевскій сборн. Рум. музея № 1621, лл. 306—328.

²⁾ Подобныя же факты за первую половину XVII вѣка отмѣчены проф. В. О. Ключевскимъ: см. *Русск. Мысль* 1885, октябрь, стр. 38—40.

паши за каждымъ, писцы противъ нѣкоторыхъ именъ отмѣчали „прихожей“ или „приходець“. Такія отмѣтки находятся уже въ переписной оброчной книгѣ Деревской пятины 1495 г. Гораздо чаще ихъ можно встрѣтить въ писцовыхъ книгахъ 80-хъ и 90-хъ годовъ XVI вѣка¹⁾. Въ чемъ смыслъ такихъ отмѣтокъ? Ихъ юридическое значеніе, кажется, можетъ быть толкуемо двояко: или приходцы отмѣчались для отличія ихъ отъ старожильцевъ, или же эти отмѣтки имѣли финансовое значеніе, такъ какъ вновь поселившіеся крестьяне нѣрѣдко, и даже по общему правилу, пользовались льготами. Но въ томъ и другомъ случаѣ эти отмѣтки могли имѣть важное значеніе въ спорахъ о старожильствѣ.

Но если старожильцы являлись въ составѣ сельскаго населенія разрядомъ, довольно трудно отличимымъ отъ другихъ земледѣльческихъ группъ, если даже нельзя указать такихъ общихъ юридическихъ признаковъ, по которымъ можно было бы всегда распознать старожильца отъ новика, то спрашивается, въ чемъ же особенности ихъ положенія, и можно ли вообще въ исторіи права говорить о нихъ? Какъ ни странно это съ перваго взгляда, но мы полагаемъ, что на послѣдній вопросъ долженъ быть данъ утвердительный отвѣтъ.

Въ исторической литературѣ по поводу статьи Псковской судной грамоты о старыхъ изорникахъ уже высказано было мнѣніе, что „на основаніи слова „старый“ мы входимъ въ кругъ юридическихъ явленій, достовѣрно извѣстныхъ изъ другихъ памятниковъ: старый, непохожій человекъ вступалъ въ обязательныя отношенія болѣе строгія, чѣмъ крестьянинъ вновь пришедшій къ землевладѣльцу (сл. Пам. Киев. Комм. I, 2, стр. 2—3 и др.). Изъ предыдущихъ статей (42—44) мы видѣли, что изорникъ обязанъ былъ землевладѣльцу только арендною платою ежегоднаго дохода и единовременною уплатою покрупты (если получалъ ее); но старый изорникъ обязывается еще подводною повинностью. Усиленіе строгости обязательствъ наемщика земли, въ силу одной давности, есть явленіе высокаго интереса въ юридическомъ и историческомъ отношеніяхъ“²⁾. Но если для юго-

¹⁾ Новгородскія писцовыя книги, изд. Арх. комм., I, 308; Списокъ съ писцовыхъ книгъ по Новгороду въ Арх. м. ю. №№ 8548 и 8544 (Шелонская пятинна), лл. 479, 598, 638, 652, 654, 671—672; книга 302, № 10 (Деревская пятинна), лл. 3, 99; Писцовыя книги Москов. государства, ч. I, отд. I, стр. 280, 281, 283—290, 738, 738, 748, 758, 781, 851, 853 и проч.; отд. II, стр. 291—403.

²⁾ М. *Владимірскій-Будановъ*, Христоматія по исторіи русскаго права, вып. I, прил. 155 къ Псковской судной грамотѣ.

западной Руси особенности юридическаго положенія старожильцевъ безспорно констатированы, то по отношенію къ Руси сѣверной и сѣверо-восточной намъ неизвѣстны аналогичныя литературныя указанія, кромѣ только что указаннаго мнѣнія по поводу ст. 75 Псковской судной грамоты. Въ подкрѣпленіе указаннаго мнѣнія можно, однако, привести два ряда фактовъ: одни указываютъ финансовыя особенности въ положеніи старожильцевъ; другіе даютъ основаніе заключить, что право перехода стало ограничиваться для старожильцевъ раньше, чѣмъ для другихъ категорій крестьянъ.

Многочисленныя жалованныя льготныя грамоты второй половины XV вѣка проводятъ между старожильцами и пришлыми крестьянами то различіе, что финансовыя льготы предоставляются обыкновенно только пришлымъ крестьянамъ или же предоставляются имъ на болѣе продолжительный срокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда льготы распространяются и на старожильцевъ. Указанное различіе является столь общераспространеннымъ, что едва ли нужно подтверждать его специальными ссылками. Но мы не можемъ указать ни одного факта въ подтвержденіе того, что податныя обязательства сѣмщика земли возростали бы въ силу одной давности. Наоборотъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ можно указать даже спеціальныя привилегіи для изстаринныхъ крестьянъ и старожильцевъ, хотя обобщать такіе случаи было бы преждевременно ¹⁾.

Факты втораго порядка представляютъ особенный интересъ, такъ какъ относятся къ вопросу о крестьянскомъ переходѣ. Укажемъ эти факты. Первые грамоты, которыми окончательно воспрещенъ крестьянскій выходъ изъ нѣкоторыхъ монастырскихъ вотчинъ, относятся къ началу второй половины XV вѣка. Такихъ грамотъ до сихъ поръ извѣстно двѣ. По одной изъ нихъ 1455—1462 гг., великій князь Василій Васильевичъ пожаловалъ Троицкаго игумена: „котораго ихъ крестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ собѣ откажетъ, а ихъ *старожилци*, и изъ князь великій тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпускати ни къ кому“ ²⁾. Это первое мѣстное закрѣпленіе ностигаетъ такимъ образомъ только крестьянъ

¹⁾ По жалованной грамотѣ Кириллову монастырю 1397—1432 г. можайскій князь не велѣлъ ѣздити ловцамъ съ Городка на озеро, которое подъ монастыремъ, „опричь старожильцовъ, которые живутъ около озера“ (Р. II. Б. II, № 11). Митр. Данилъ выдалъ въ 1527 г. своему изстаринному крестьянину жалованную грамоту на митрополичьи деревни (А. Э. I. № 74).

²⁾ А. Н. I, № 59.

старожильцевъ Вторая грамота того же времени ¹⁾ о старожильцахъ не говоритъ; она употребляетъ терминъ довольно общій—„монастырскіе люди“. Но что это за люди? Въ грамотѣ указано, что монастырскіе люди вышли изъ монастырскихъ селъ Углецкаго уѣзда въ села великокняжескія и боярскія, „не хотя ѣхати на службу великаго князя къ берегу“. Князь велѣлъ этихъ людей вывести назадъ; „а которые люди живутъ въ ихъ селахъ и нынѣче“, тѣхъ людей князь великій не велѣлъ пущати прочь. Люди, живущіе въ селахъ и пользующіеся правомъ выхода, конечно, крестьяне; такъ обыкновенно и толкуется этотъ терминъ. Они ушли, не желая выполнять натуральную повинность княжеской службы. Служба на берегу—это, вѣроятно, военная посоха (думаемъ такъ на томъ основаніи, что дворцовыя хозяйственныя нужды, когда онѣ удовлетворялись личными силами тяглаго населенія, назывались обыкновенно „великаго князя дѣломъ“). Посоху же, какъ и всякое тягло, отбываютъ по общему правилу старые жильцы, а пришлые только по истеченіи льготнаго срока, когда они и могли перейти въ разрядъ старожильцевъ. На основаніи этихъ соображеній предлагаемъ догадку, что подъ монастырскими людьми здѣсь слѣдуетъ разумѣть также крестьянъ старожильцевъ.

Въ XVI вѣкѣ, по общепринятому мнѣнію, первое указаніе на полное запрещеніе крестьянскаго выхода находится въ уставной Важской грамотѣ 1552 года. Но эту грамотою излюбленнымъ головамъ предоставлено право выводить на старыя мѣста безсрочно и безплатно „старыхъ ихъ тягловыхъ хрестьянъ“. И здѣсь рѣчь идетъ о старожильцахъ. Другой примѣръ. Въ грамотѣ 1575 года Холуйскому прикащику по челобитью Троицкаго монастыря предписано не вступаться въ монастырскіе дворы на Холую, такъ какъ тѣ дворы поставлены монастырскими деньгами на пожалованныхъ къ монастырской варницѣ мѣстахъ, и не велѣно „соловаровъ и казаковъ и всякихъ соловарскихъ людей и дворянниковъ“ изъ дворовъ выводить на посадъ и въ тѣ дворы соловарскіе и казачьи вступаться Холуйскимъ посадскимъ людямъ, потому что дворы эти: „стали у нихъ лѣтъ съ сорокъ“ или, какъ выражено въ другой разъ, „тѣ дворы на Холую ихъ ставленье изстари“ ²⁾. Если этихъ монастырскихъ людей нельзя выводить

¹⁾ А. Э. I. № 64. Издателями грамота помѣчена: около 1460 г. На какомъ основаніи выбрать именно этотъ годъ, не ясно. По именамъ князя и игумена грамота должна быть датирована 1455—1462 г.

²⁾ Приложение II.

на посадъ, значить имъ вообще воспреещенъ выходъ и воспреещенъ, надо думать, по той причинѣ, что всѣ они изстаринные монастырскіе люди. Изъ вышеприведенной грамоты 1577 года видно, что дворцовый прикащикъ хочетъ возить изъ-за монастыря крестьянъ, считая ихъ старожильцами дворцоваго села Давыдково, тогда какъ монастырскія власти не хотятъ ихъ выпускать, утверждая, что они старожильцы монастырскихъ сель и деревень. Споръ идетъ о томъ, чьи они старожильцы; право же вернуть назадъ вышедшихъ старожильцевъ и право не выпускать старожильцевъ изъ-за себя вовсе не оспаривается ни сторонами, ни правительствомъ. Такое же значеніе имѣеть и распоряженіе боярина и дворецкаго Гр. Вас. Годунова вернуть Троицкому монастырю неводчика Левку, если окажется, что онъ „изстари троецкой“.

Эти факты, кажется намъ, позволяютъ заключить, что крестьяне старожильцы, на какихъ бы земляхъ они ни жили, правомъ перехода во второй половинѣ XVI вѣка вовсе не пользуются. Они оказались въ положеніи „непохожихъ“, „засѣдѣлыхъ“ крестьянъ и составили первую по времени категорію нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Если же принять во вниманіе еще свидѣтельства памятниковъ о запрещеніи принимать тяглыхъ крестьянъ и даже о предписаніяхъ возвращать такихъ выходцевъ на старыя мѣста, то получатся данныя о довольно значительномъ контингентѣ лицъ въ средѣ сельскаго населенія, прикрѣпленныхъ къ тяглу и къ мѣстамъ стариннаго ихъ жительства задолго до указа 1597 года.

„Крестьянская старина“ не потеряла своего значенія и послѣ указа 1597 года. Извѣстны и отмѣчены факты, подтверждающіе это явленіе для первой половины XVII вѣка. Повторять ихъ здѣсь было бы излишне. Считаемъ, однако, умѣстнымъ замѣтить, что объясненіе этихъ фактовъ, предложенное проф. В. О. Ключевскимъ, намъ не кажется удачнымъ. Авторъ „Происхожденія крѣпостнаго права въ Россіи“ полагаетъ, что въ первой половинѣ XVII вѣка выработались „два порядка отношеній, входившихъ въ юридическій составъ крѣпостнаго права на крестьянъ: власть землевладѣльца надъ личностью крестьянина и власть надъ его имуществомъ.... Въ связи съ этими двумя порядками и подъ ихъ влияніемъ складывался третій—власть землевладѣльца надъ потомствомъ его крестьянина“. Это и была, думаетъ онъ, крестьянская старина, параллельная старинѣ кабальной. Но такъ какъ до половины XVII вѣка землевладѣльцу не принадлежало никакой юридической власти надъ потомствомъ его крестьянина, которое

до Уложения считалось вольнымъ, какъ убѣдительно доказалъ это самъ авторъ, то онъ и приходитъ затѣмъ къ выводу, что „мысль о кабальной старинѣ вытѣснялась въ крестьянской средѣ мыслью о старинѣ тягловой: сынъ тягльца укрѣплялся не тамъ, гдѣ родился, а тамъ, гдѣ рядился въ тягло и обжился, „застарѣвъ“ въ немъ“¹⁾). Это послѣднее положеніе мы считаемъ вполне правильнымъ, но полагаемъ, что возникновеніе этой мысли о тягловой старинѣ слѣдуетъ отодвинуть на полтора столѣтія назадъ и объяснять ея возникновеніе нѣтъ всякой связи съ идеею старины кабальной.

IV. Послѣдній вопросъ, на который необходимо здѣсь обратить вниманіе, касается тѣхъ послѣдствій, которыя явились результатомъ уничтоженія крестьянскаго перехода. На этой почвѣ и выросло собственно крѣпостное право со всѣми его мрачными сторонами. Но каковы-же были тѣ условія, при которыхъ такъ быстро поблекла крестьянская свобода и выросъ и укрѣпился владѣльческій произволъ? Какія отношенія между крестьянами и владѣльцами подготовили эту быструю смѣну явленій отъ крестьянской воли къ несвобождѣ? Нѣсколько отвѣтовъ на эти важные вопросы предложено въ специальной литературѣ, которая разсматривала ихъ съ экономической и съ юридической сторонъ.

Яркая картина крестьянской задолженности со всѣми ея пагубными послѣдствіями для крестьянской свободы съ такимъ мастерствомъ нарисована проф. В. О. Ключевскимъ, что едва-ли скоро придется сдѣлать къ ней существенныя поправки и дополненія. Намъ ближе интересуетъ юридическая сторона вопроса, которая, кажется, не вполне исчерпана.

Проф. В. И. Сергѣевичъ, сторонникъ мнѣнія, что прикрѣпленіе крестьянъ произошло на основаніи указа не сохранившагося или до сихъ поръ не отысканнаго, мѣтко указалъ на одинъ юридическій элементъ крѣпостнаго права, возникшій задолго до прикрѣпленія. Перечисляя привилегіи вольныхъ слугъ, онъ, между прочимъ, останавливается на дарованныхъ имъ судебныхъ и финансовыхъ льготахъ. „Право вотчиннаго суда и управленія (возникновеніе которыхъ относится къ самой отдаленной древности) вошло, можно думать, съ прикрѣпленіемъ крестьянъ въ составъ крѣпостнаго права, нѣкоторыя черты котораго имѣютъ такимъ образомъ болѣе глубокія корни, чѣмъ

¹⁾ *Русская Мысль*, 1885 г., октябрь, стр. 38—39.

указы сначала ограничивающіе, а потомъ и вовсе отмѣняющіе вольный переходъ крестьянъ“¹⁾). Соображеніе это стоитъ внѣ спора. Въ XVII вѣкѣ землевладѣльцы не только „вѣдаютъ и судятъ своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлахъ, кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ“²⁾; но по Уложенію дворяне и дѣти боярскіе являются законными представителями своихъ крестьянъ на судѣ въ качествѣ истцовъ и отвѣтчиковъ въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ³⁾). Въ XIV—XVI вѣкахъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣла разбирались смѣшаннымъ или общимъ судомъ. Но правило Уложенія подготовлено продолжительною практикой, начиная съ первой половины XVI вѣка. Укажемъ примѣры.

Въ 1531 г. инокъ Филоеой Ивановъ сынъ Гавриловъ отдалъ вкладомъ въ Волоколамскій монастырь свою вотчину деревню Рѣдкино въ Волоцкомъ уѣздѣ, но выговорилъ въ пользу своей жены слѣдующее условіе: „а держати та земля моей старицѣ инокѣ Еупраксіѣ за собою до своего живота; а нахати та деревня крестьяномъ на меня на Еупраксію, а Осифова монастыря прикащику въ ту деревню ѣздити и вѣдати ихъ во всемъ и судити ихъ и пошлина ему своя на тѣхъ крестьянехъ имать, а за нихъ стряпати“⁴⁾). Это послѣднее условіе обозначаетъ по преимуществу обязанность судебного представительства за крестьянъ, которая возлагается на монастырскаго прикащика. Здѣсь это представительство получаетъ характеръ скорѣе льготы, выговоренной въ пользу крестьянъ. Избавиться отъ судебной волокиты представлялось для рабочаго человѣка, конечно, очень заманчивымъ. Но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи такое положеніе дѣлъ легко могло привести крестьянъ къ полной потерѣ права обращаться въ государственный судъ безъ разрѣшенія землевладѣльца, отъ воли котораго стало зависѣть — пустить или не пустять своего крестьянина искать защиты отъ посягательствъ на его права. Краснорѣчивымъ

¹⁾ *Наблюдатель* 1887 г. № 2, 55—56.

²⁾ *Котошихинъ*, XI, 3.

³⁾ Уложеніе, XIII, 7, постановляетъ, что судъ на нашенныхъ людей давать въ тѣ же сроки, какъ на землевладѣльцевъ, потому что „за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ они жъ дворяне и дѣти боярскіе во всякихъ дѣлахъ“, кромѣ убійства, разбоя и татбы.

⁴⁾ Арх. мш. юсг., Волоколамскій уѣздъ № ²²/₂₁₈ ср. уставную грамоту 7098 г.: „А не учнутъ монастырскіе слуги о тѣхъ крестьянѣхъ въ города ѣздити и о нихъ стряпати и отъ сторонъ беречи и имъ быти отъ меня Іова патриарха... въ онаѣ“. *Временникъ*, кн. 2, смѣсь, стр. 21.

подтвержденіемъ только что сказаннаго можетъ служить мировая записъ, заключенная между властями Спасскаго Евфиміева монастыря и князьями Семеномъ и Тимошеемъ Вяземскими въ 1566 году. Спасскій монастырскій слуга предъявилъ искъ на людей и крестьянъ князей Вяземскихъ въ завладѣніи монастырскимъ лугомъ, въ бою и грабежѣ. Государь назначилъ для разбирательства дѣла даннаго судью Якова Гавриловича Наумова. Но землевладѣльцы не довели дѣло до суда и прекратили дѣло миромъ. Въ мировой записи по этому поводу сказано: „и язь князь Семень и язь князь Тимошей Вяземскіе да язь архимандритъ Савватаея съ братією, не пушца людей своихъ и крестьянъ предъ Якова тягаться, да во всемъ въ томъ помирились“ на указанныхъ въ мировой условіяхъ ¹⁾. Правило Уложенія подготовлено, такимъ образомъ, практикою задолго до окончательнаго прикрѣпленія крестьянъ, и эта практика уже въ XVI вѣкѣ достигла значительныхъ успѣховъ въ ущербъ крестьянской правоспособности.

Другимъ важнымъ юридическимъ элементомъ въ составѣ крѣпостнаго права являются финансовыя права землевладѣльца надъ крестьянами и связанная съ этимъ податная отвѣтственность помѣщиковъ за крестьянъ. Уложеніе не даетъ категорической формулировки этого правила, а только косвенно указываетъ на существующую практику, санкционируя ее. Оно предписываетъ впредь за бѣглыхъ крестьянъ съ укrywателей „за государевы подати и за помѣщиковы доходы взяти за всякаго крестьянина по 10 рублей на годъ и отдавати истцамъ, чьи тѣ крестьяне и бобыли“ (XI, 10). Взысканіе съ укrywателей за государевы подати въ пользу помѣщика объясняется только при предположеніи, что помѣщикъ уже внесъ за своего бѣглаго крестьянина всѣ причитающіеся съ него государственные сборы. Такая практика дословно подтверждается и свидѣтельствомъ Котошихина, что помѣщики и вотчинники „подати царскія съ крестьянъ своихъ велеть собирать старостамъ и людямъ своимъ; а свои подати кладуть они на крестьянъ своихъ сами“ (XI, 3). Последнее указаніе подтверждаетъ исконное правило хозяйственныхъ отношеній между землевладѣльцомъ и крестьянами, столь же древнее, какъ и право вотчиннаго суда, и многократно подтвержденное жалованными и послушными грамотами XV и XVI вѣковъ. Въ грамотахъ предписывалось крестьянамъ землевладѣльцевъ слушать и почитать или повинываться имъ во всемъ, пашню на нихъ пахать, оброкъ и доходы пла-

¹⁾ Арх. мин. юст., Суздальскій уѣздъ № $\frac{51}{11829}$

тить, чѣмъ ихъ изоброчать. Но и податная отвѣтственность землевладѣльцевъ за своихъ крестьянъ также старше крестьянскаго прикрѣпленія и отнюдь не является лишь его слѣдствіемъ. Такого рода финансовая практика засвидѣтельствована уже грамотами и актами XV и XVI вѣковъ. Такъ, изъ жалованныхъ грамотъ первой половины XV вѣка видно, что монастырскія власти обязаны были платить дань по силѣ за своихъ крестьянъ по истеченіи льготныхъ сроковъ. „А коли придетъ моя дань князя великаго, говорится въ грамотахъ, и игумень (архимандритъ) за нихъ самъ платитъ мои дань по силамъ“¹⁾. Паличность подобныхъ же порядковъ для XVI вѣка подтверждается какъ официальными такъ и частными памятниками. Напримѣръ, въ жалованной грамотѣ 1560 г. Михаилицкому дѣвичью монастырю приведено челобитье монастырскихъ властей объ утѣсненіяхъ ихъ крестьянъ Кушеверской волости со стороны окрестныхъ помѣщиковъ и о невозможности уберечь крестьянъ отъ обидъ и насильствъ. Изъ челобитья видно, что власти вынуждены были всегда давать крестьянамъ льготы, „да и тягли многіе во много лѣтъ измоганы и займуя за тѣхъ своихъ крестьянъ платили сами собою и отъ того они сами одолжали-жъ и впередъ имъ государевыхъ тяглей за тѣхъ своихъ крестьянъ платити и своихъ убытковъ на тѣхъ своихъ крестьянѣхъ взяти не мочно, потому что тѣ крестьяне отъ обидъ, да и они за нихъ платичи, обнищали“²⁾. Можно бы предположить, что исключительныя условія, указанные въ челобитной, побудили въ данномъ случаѣ землевладѣльцевъ принять на себя уплату государевыхъ податей за крестьянъ. Но тѣ же порядки наблюдаются и при другихъ условіяхъ. Въ 1576 г. къ великому князю Симеону Бекбулатовичу обратился съ жалобой помѣщикъ Коблуковъ, что на немъ, на его людяхъ и крестьянахъ правятъ ямскія деньги и всякія подати не только съ его помѣстья, но и съ помѣстій другихъ владѣльцевъ, которыя списаны съ его помѣстьемъ сошнымъ письмомъ, и просилъ впредь взимать подати съ одного его помѣстья. Великій князь Симеонъ Бекбулатовичъ предписалъ городовому прикащику взыскивать „ямскія деньги и всякія наши подати съ того его помѣстья съ одного, а за тѣ бы еси приписные помѣстья *на немъ* нашихъ всякихъ податей не ималъ, а ималъ бы еси за тѣ приписные помѣстья *на тѣхъ людяхъ, кто ими владѣтъ*“³⁾. Соответственно такимъ порядкамъ заключаются и

¹⁾ А. Э. I, №№ 17 (1410—1417), 18 (1410—1417), 23 (1423).

²⁾ Д. къ А. II, I, № 118.

³⁾ А. II, I, № 195.

частныя обязательства между землевладѣльцами объ уплатѣ податей за крестьянъ. Такъ, власти Рождественскаго-Богородицкаго монастыря во Владимірѣ заключили въ 1585 г. съ Ѳеодоромъ Опочининимъ и его сыномъ запись, по которой, принявъ отъ послѣднихъ 100 рублей вклада, отдали имъ въ пожизненное владѣніе с. Юрьево съ правомъ распашать пустоши, поставить дворы и назвать крестьянъ. Далѣе стоитъ такое условіе: „А какъ Ѳеодоръ и сынъ его Мансуръ то с. Юрьево устроить и пустоши распашутъ и дворы изоставятъ и крестьянъ назовутъ, и чѣмъ то с. Юрьево и пустоши государевы писцы въ сошномъ писемѣ опишутъ, и Ѳеодору и сыну его Мансору то с. Юрьево и пустоши окупати, государскіе всякіе тягла давати“¹⁾. Любопытно отмѣтить, что въ XVII вѣкѣ, въ періодъ полнаго развитія крѣпостнаго права, сохраняется та же терминологія для обозначенія податной отвѣтственности помѣщиковъ, которая установилась еще въ XVI вѣкѣ. Нѣкто Владиміръ Бастановъ въ своей духовной 1682 г. упоминаетъ, что онъ продалъ за 100 р. свою вотчину „и тѣми денгами крестьянъ своихъ окупилъ, платилъ за нихъ по два года по полтинѣ на годъ съ двора въ Разрядъ и въ Ямской приказъ“²⁾.

Приведенные факты съ достаточной очевидностью подтверждаютъ догадку, что отвѣтственность помѣщиковъ за исправное отбываніе повинностей и уплату податей ихъ крестьянами подготовлялась исподволь двухвѣковой практикой и вошла готовымъ элементомъ въ составъ крѣпостнаго права, какъ и право вотчиннаго суда. А потому и утвержденіе, что упомянутая отвѣтственность съ строгой логической послѣдовательностью вытекла „изъ сочетанія значенія крестьянской подати съ личной крестьянской крѣпостью“, не можетъ быть принято, такъ какъ и самая ссылка на законъ 1606 г., въ которомъ будто бы впервые встрѣчаемъ проблескъ мысли объ этой отвѣтственности, оказывается неправильной.

Но при наличности указанныхъ элементовъ ростъ власти помѣщиковъ надъ личностью крестьянъ, лишенныхъ права перехода, не только не встрѣчалъ существенныхъ преградъ, но и имѣлъ весьма

¹⁾ Арх. мин. юст., Владимірскій у. № ⁸⁸/₁₈₈₀. Совершенно подобная-же запись дана тому-же монастырю въ 1586 г.: „А Богъ учить милovati, ту полсела Олеерьева да Голцова устроимъ, распашемъ, и дворы изоставимъ, и крестьянъ назовемъ, и чѣмъ ту полсела Олеерьева и Голцова государевы писцы въ сошномъ писемѣ опишутъ въ живѣ, и мнѣ Овонасью и момимъ дѣтиимъ то село окупати, всякіе государскіе тягла давати“ (Тамъ-же № ⁸⁷/₁₈₂₄).

²⁾ Сборникъ Хилкова, № 55.

благоприятную почву. Хорошо известныя изъ практики XVII вѣка проявленія помѣщичьяго произвола начинаютъ обнаруживаться уже въ послѣдней четверти XVI вѣка и даже получаютъ официальную санкцію или, по крайней мѣрѣ, безбоязненно регистрируются. Въ сдѣлкахъ между частными лицами и въ правительственныхъ документахъ, касающихся недвижимыхъ имуществъ, крестьяне начинаютъ фигурировать въ качествѣ принадлежности участковъ земли и вмѣстѣ съ этими участками попадаютъ въ раздѣлъ или въ отводъ. Такъ въ раздѣльной записи 1585 года между братьями, Никитой Петровымъ и Юріемъ Андреевымъ дѣтьми Тараканова, и женой третьяго брата, Оонимей Богдановой женой Тараканова, послѣ раздѣла полосъ земли и хоромъ въ усадищѣ Лизневѣ (4 обжи) слѣдуетъ раздѣлъ крестьянъ: „да мнѣ Никитѣ (на $\frac{2}{3}$) досталось въ Лизневѣ крестьянинъ Истомка Граблевъ, да бобылей: Иванко Щетина, да Еремка Федоровъ, да Ондрейко Вертехъ, да Агафонко Морозъ, да Савка, да Гришка Коноухъ, да Мишукъ; а мнѣ Юрью досталось бобылей: Васка Корова, да Оеонка прозвище Болоно. Да у насъ же на Столбницахъ обжа и на той обжѣ крестьянъ: Михалко Бучневъ, да Серга Васильевъ, да Бориско Варенцовъ, да Васка Ивановъ. И мнѣ Никитѣ досталось на треть обжи крестьянинъ Михалко Бучневъ, а мнѣ Юрью достался крестьянинъ Серга Васильевъ, а мнѣ Оонимѣ съ дѣтьми достались Бориско Варенцовъ да Васка Ивановъ.“¹⁾ Или, напримѣръ, какъ видно изъ отдѣльныхъ книгъ, патриархъ Ювъ въ 1596 году приказалъ изъ патриаршихъ вотчинъ въ Костромскомъ уѣздѣ выдѣлить въ помѣстье тремъ дѣтямъ боярскимъ „и крестьянъ, и пашню паханую, и перелогъ, и лѣсъ, и всякое угодые всѣмъ сряду съ одного“. Но, какъ видно изъ челобитья вдовы одного изъ помѣщиковъ, отдѣльщики съ однимъ помѣщикомъ „выбирали себѣ лутчія деревни, которыя въ сошномъ письмѣ написаны легче“ и „крестьяне лутчіе“, а вдовѣ съ сыномъ отдѣлили деревнишки худыя, которыя въ сошномъ письмѣ написаны тяжело, и „крестьянишки въ нихъ худы“²⁾. Отъ такихъ сдѣлокъ на крестьянъ съ землею до сдѣлокъ на крестьянъ безъ земли, при запутанности исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, оставался одинъ шагъ. И онъ былъ сдѣланъ уже въ XVI вѣкѣ. Помѣщенный въ приложеніи VI документъ—первый, кажется, по времени изъ актовъ этой категоріи.

¹⁾ Арх. мин. вѣст., Новгородскій уѣздъ, № $\frac{19}{8460}$.

²⁾ Тамъ-же, Костромской уѣздъ, № $\frac{163}{8139}$, лл. 81 и 85.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси въ Нижней Новгородѣ ключникомъ нашимъ Юрію Матюжину да Якову Бухвалову или по васъ иные ключники въ Нижнемъ будутъ. Была намъ челомъ Пречистые Одегитрей Новаго дѣвича монастыря игуменя Стефанида съ сестрами, что пожаловали есмь ихъ въ Нижнемъ Новгородѣ князь Михайловскимъ дворомъ Воротынского, и на томъ ден ихъ дворѣ для ихъ монастырскаго промыслу жили въ дворникѣхъ нижегородціе посадскіе люди съ тяглыхъ мѣсть, и тѣхъ ден дворниковъ нижегородціе земскіе дѣловальники взяли по нашей грамотѣ на тягле двory. И они ден на тотъ ихъ монастырскаго дворъ призвали нныхъ крестьянъ нижегородцовъ для монастырскаго промыслу: Ѳедотка Мандрусова, да Оомку Лобанова, да Юшку Ондреева, а жили ден они въ черныхъ тяглыхъ дворѣхъ, а какъ вышли въ ихъ монастырскаго дворъ, и они ден посадили въ своихъ дворѣхъ нныхъ жилищъ. И нныхъ ден тѣхъ людей, Ѳедотка Мандрусова съ товарищи, нижегородціе дѣловальники Оеоня Псковитиновъ съ товарищи емлютъ ихъ на черные на тягле мѣста въ старые ихъ двory. И намъ бы игуменю Стефаниду съ сестрами пожаловати, тѣхъ людей Ѳедотка Мандрусова съ товарищи трехъ человекъ, кои въ сей грамотѣ иманы писаны, съ ихъ монастырскаго двора въ посадкѣ въ тягле двory имати не велѣти. И мы новаго дѣвича монастыря игуменю Стефаниду съ сестрами пожаловали, съ ихъ монастырскаго двора Ѳедотка Мандрусова съ товарищи въ тягле двory на посадъ имати не велѣли до своего указу.—И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ Новаго дѣвича монастыря съ монастырскаго двора дворниковъ Ѳедотка Мандрусова съ товарищи, которые въ сей грамотѣ иманы писаны, земскимъ дѣловальникомъ на посадъ въ тягле ихъ старые двory и на ямъ и къ инымъ земскимъ дѣломъ имати не велѣли, а велѣли имъ жити въ монастырскомъ дворѣ для монастырскаго промыслу; а въ ихъ мѣсто на тѣ двory посажали жилищъ, кому бы мочно въ тѣхъ дворѣхъ жити и тягло наше всякое тянути съ посадкѣми людьми ровни. А прочетъ сю грамоту и списавъ съ нее противень, отдали-бъ есте назадъ монастырскому слугѣ, которой съ нею прѣдетъ, впередъ для нныхъ земскихъ дѣловальниковъ. А опрѣчь бы тѣхъ трехъ человекъ, Ѳедотка Мандрусова съ товарищи, нныхъ никакихъ торговыхъ людей и промысленныхъ въ тѣхъ монастырскихъ дворѣхъ однолично не было некоторыми дѣлы, чтобъ впередъ всякимъ нашимъ податемъ убыли не было. А промыслили бѣ они Ѳедотка Мандрусовъ съ товарищи монастырскою казною; а съ ихъ бы есте товаровъ имали всякіе наши пошлины по нашимъ уставнымъ грамотамъ и по своимъ разводомъ и по ихъ промысловомъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7082 апрѣля въ 1 день.

[По Нижегородскому уѣзду № ²⁷ 7908].

II.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси въ Володимирѣ Ивану Григорьеву сыну Корнееву. Въ нашей грамотѣ за приписью

дьяка нашего Стафея Иванова къ бояромъ нашимъ, ко князю Петру Давидовичю Пронскому да Ивану Васильевичу Шереметеву, нынѣшняго 83-го году марта въ 11 д(онь) написано, что билъ намъ челою бгомолоць нашъ Троицкой Сергѣева монастыря архимандритъ Памва съ братьею, а сказалъ: наше деи жалованье у нихъ въ Володимерскомъ уѣздѣ на Холую были три варницы, на монастырской обиходъ соль варили, а мы деи ихъ пожаловали, дали имъ мѣсто на соляныи на четыре анбары да на дворъ на соловарной, да къ тѣмъ деи варницамъ пожаловали есмь, дали имъ мѣсть вдоль на сто сажень а поперегъ на пидесять сажень чернаго лѣсу на козацьи дворы, которымъ козакомъ у тѣхъ варницъ соль варити и воды сливати. И онѣ деи на томъ мѣстѣ лѣсъ черной и разчистили и дворы тѣмъ козакомъ поставили, а дають деи онѣ имъ на дворъ по пяти рублевъ изъ монастырскіе Троецкіе казны; а стали деи тѣ у нихъ дворы лѣтъ съ сорокъ. А нынѣ деи бояря и дьяки наши тѣ у нихъ козацьи дворы отънимають, норовя царевичю Михаилу Койболовичю, чтобъ имъ подь судъ ему ихъ дати; а у нихъ деи наша жалованная грамота, что у нихъ въ тѣ дворы не вступатись ни во что, потому что тѣ дворы на Холую ихъ ставленье истари, а соловаровъ деи и козаковъ и всякихъ соловарскихъ людей и дворниковъ по нашей жалованной грамотѣ володимерскимъ намѣстникомъ судяти не велѣно и не вступатись ни во что, и жалованную нашу грамоту передъ нами клали.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бы въ Холую на посадь ѣхалъ да въ тѣ дворы (вступатись) и изъ дворовъ людей на посадь выводити не велѣлъ и въ дворы въ соловарскіе и въ козацьи вступатись Холуйскимъ посадцкимъ людомъ не велѣлъ же для Троецкаго обиходу и варничного дѣла, чтобъ намъ троецкой архимандритъ Памва съ братьею впередъ не были челою. А прочетчи бы еси сю нашу грамоту отдашь Троецково Сергѣева монастыря слугѣ, которой съ сею нашею грамотою придетъ, для нашихъ ивыхъ присланиковъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7083-го марта въ 16 день.

На оборотѣ: Царь и великій князь всея Русіи. *По склейкамъ:* Діакъ Кириѣ Горинъ.

[По Владимірскому уѣзду № $\frac{61}{1885}$].

III.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи въ Ярославской уѣздъ нашего дворцоваго села прикащику Семейкѣ Губареву. Билъ намъ челою изъ Ярославля Спаскаго монастыря архимандритъ Феодосей съ братьею, а сказали: хочешь ты возити изъ спасскіе монастырскіе вотчины въ наше село Давыдково изъ Сандыровскихъ деревень крестьянъ: Давыдка, да Петрушку, да Илошку, да Ларку, да Довятку, да Максимка; да изъ новыхъ деревень Путятинскихъ: Иванка Петрушина, да Русника Широково, да Посиѣлка, да Оедка Спехинова, да Русника Вешниковского, да Митюшку Полежаевского, да Ооонку да Истомку да Третьячка Ростороповскихъ; да изъ Лешовскіе волости Васку Жюкова да Данилка Иванова. А сказывають деи Давыдковского села крестьяне, что тѣ крестьяне, которые въ сой нашей грамотѣ иманы писаны, села Давыдково старожилицы. А тѣ деи села и де-

ревни за монастырь достались съ тѣми крестьяны.—И будетъ такъ, какъ намъ Спасскаго монастыря анхимандритъ Θεодосей съ братьею былъ челомъ, и тѣ будетъ крестьяне въ монастырскихъ селѣхъ и въ деревняхъ старожилицы, а за монастырь будутъ достались тѣ села и деревни съ тѣми крестьяны, а въ селѣ будетъ Давыдковѣ тѣ крестьяне не живали, — и какъ къ тебѣ са наша грамота придетъ, и ты бѣ про тѣхъ крестьянъ обыскалъ тутошними и стороннихъ волостей игумены и попы и дьяконы по священству, а старостами и цѣловальники по нашему крестному цѣлованію: тѣ крестьяне преже сего въ селѣ Давыдковѣ живали-ли; и будетъ живали, и сколько давно вышли, о срокѣ ли о Юрьевѣ дни и съ отказомъ, или не о срокѣ, безъ отъазу и безпошлинно. Да кто что про тѣхъ крестьянъ въ обыску скажетъ, и ты бѣ тѣхъ людей имена и рѣчи велѣлъ написать на списокъ подлинно порознь земскому или церковному дьячку; а къ тому обыскному списку обыскныя люди: игумены и попы и дьяконы и старосты и цѣловальники и крестьяне, которые въ обыску будутъ, а грамотѣ умѣютъ, руки свои приложили; а будетъ которые люди грамотѣ не умѣютъ, и въ тѣхъ бы людей мѣсто къ тому списку руки приложили отцы ихъ духовные; да того обыску своего списокъ за обыскныхъ людей руками и за своею приписью прислали къ Москвѣ въ Дворцовой приказъ къ дьякомъ къ Басенку къ Верещагину да къ Семейкѣ къ Карпову, и мы по обыску о тѣхъ крестьянѣхъ указъ учинимъ. Писано на Москвѣ гѣта 7086-го октября въ _____ день.

На оборотѣ: Царь и великій князь. *По склейкамъ:* дьякъ Семейка Карповъ.

[По Малоюрославецкому уѣзду № $\frac{10}{7700}$].

IV.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Переяславль городовымъ приказнымъ Суботѣ Миклаеву да Степану Высотцкому. Гилъ намъ челомъ изъ Ярославля съ посаду богомолецъ нашъ архимаритъ Θεодосей съ братьею, а сказалъ: пожаловали де есмь его архимарита Θεодосья съ братьею, дали въ домъ Всемиловитову Спасу и великимъ чудотворцомъ въ монастырь по князѣ Иванѣ Пѣнковѣ, да по его отцѣ по князѣ Васильѣ, да по его дядѣ Иванѣ Давидовичѣ и по всемъ его роду въ Переяславскомъ уѣздѣ село Сягоръ съ деревнями, да село Рахманово съ деревнями, и по той де ихъ вотчинѣ въ Переяславлѣ на посадѣ княже Ивановской Васильевича Пѣнкова осадной дворъ, а даѣ де тотъ дворъ ему жъ богомолцу нашему архимариту Θεодосью съ братьею на пріѣздѣ, и Сягорскимъ и Рахмановскимъ крестьянамъ для осаднаго времени. И съ того монастырскаго осаднаго двора въ прошломъ восьмидесять девятомъ году переяславскіе посадскіе люди, сотской Бажень Григорьевъ сынъ Коржавинъ да Десятой Есиповъ сынъ Байбородинъ, да Якушко Посовъ, да Ромашко Семеновъ сынъ Душкинъ вывели монастырскаго дворника Демьку Иванова слно, не по нашему указу; а тотъ де Демька пришелъ на монастырской дворъ въ дворники изъ села изъ Первятина, а жилъ де онъ въ селѣ въ Первятинѣ въ бобылѣхъ, и не на нашѣ, а какъ де изъ села изъ Первятина въ Переяславль на посадѣ, на монастырской дворъ въ дворники вышелъ, а въ свое де мѣсто въ селѣ въ Первятинѣ

жилаца оставилъ. А напередъ сего оупъ въ Переславѣ на посадѣ на черноомъ на тяглоомъ мѣстѣ не живалъ. А которые де монастырскіе достальныи дворники: Иванко Оганитовъ, а пришеаъ де оупъ въ дворники изъ села изъ митрополича изъ Кароша изъ деревни Корытова, а Федка де Козминъ пришеаъ изъ села изъ Перватина, а Тренка Дмитреевъ пришеаъ изъ села изъ Поваго изъ деревни Теренскаго,—и переславскіе посадцкіе люди ихъ достальныхъ трехъ дворниковъ приворачивають къ себѣ на посадѣ и велятъ де имъ съ собою во всякіе подати тянути и хотятъ де ихъ вывести на посадѣ сильно. А они деи напередъ сего въ Переславѣ на посадѣ не живали и съ переславскими посадцкими людьми съ тяглыми ни въ какіе протори, ни въ службы, ни въ разметы не тягивали, и тѣ де ихъ достальныи дворники отъ посадцкихъ людей насилства бредуть разно. И будетъ такъ, какъ намъ изъ Ярославля съ посаду Спаскаго монастыря архимарить Феодосей съ братьею билъ челомъ, а тѣ будетъ ихъ дворьники Иванко Оганитовъ, да Федко Козминъ, да Тренка Дмитреевъ въ Переславѣ на посадѣ на черноомъ на тяглоомъ мѣстѣ не живали и съ переславскими будетъ съ посадцкими съ тяглыми людьми ни въ какіе протори ни въ службы ни въ разметы не тягивали, а переславскіе будетъ посадцкіе люди ихъ монастырскихъ дворниковъ Ивацка Оганитова съ товарищи приворачивають ихъ во всякіе протори и въ службы и въ разметы и во всякіе подати и хотятъ будетъ ихъ вывести на посадѣ жити сильно, не по нашему указу,—и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ переславскимъ посадцкимъ людямъ Спаскаго монастыря дворниковъ притягивати ни въ какіе протори, ни въ службы ихъ имати и на посадѣ ихъ возити не велѣли, а впредъ бы намъ о томъ богомолецъ намъ спаской архимарить Феодосей съ братьею не били челомъ, чтобы ихъ осадной дворъ отъ посадцкихъ людей не запусѣлъ. А прочеть сю нашу грамоту, отдали бы есте назадъ богомолцу нашему спаскому архимариту Феодосью съ братьею, и они ее держатъ впередъ для переславскихъ посадцкихъ людей и для нашихъ посланниковъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7090-го февраля въ 3 день.

На оборотѣ по склейкамъ: Діакъ Тимошеи Феодоровъ.

[По Переяславскому уѣзду, № $\frac{221}{2006}$].

V.

По государеву цареву и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии слову отъ боярина и дворетцаго отъ Григорья Васильевича Годунова въ Переславль Залѣской ключнику Ивану Конолеву или хто по тебѣ иный ключникъ будетъ. Билъ челомъ государю, царю и великому князю Живоначальныи Троицы Сергеева монастыря архимарить Митрофанъ съ братьею, а сказашъ: ловили де они рыбу въ Переславскомъ озерѣ, и въ Соминѣ озерѣ, и въ рѣчкахъ, и въ тонахъ и въ малыхъ рѣчкахъ, въ рѣчкѣ Симанцѣ и въ рѣчкѣ въ Вескѣ и въ заводяхъ неводы и мережами и сѣтми и всякими ловлями по государевѣ жаловальной грамотѣ, и ключникъ деи Олексѣй Коробовъ тое у нихъ государевы жаловальныи грамоты не слушалъ и ловцовъ ихъ троецкихъ на Переславское озеро, и въ рѣки, и въ тони, и въ малые рѣчки и въ рѣчку въ Симанцу и въ рѣчку въ Веску, и въ Соминѣ озерѣ рыбы ловити не давалъ.

Да Олексѣй же де у нихъ взялъ ихъ троецкаго неводчика Левку невѣдомо почему. И на тѣ они ловли государеву жаловальную грамоту передо мною, бояриномъ и дворетцкимъ передъ Григорьемъ Васильевичемъ Годуновымъ, клали, и съ тою ихъ жаловальные грамоты посланъ въ тебѣ списокъ. — И какъ къ тебѣ ся грамота придетъ, и ты бы въ тѣ ихъ ловли не вступался, и ловцовъ ихъ троецкихъ на Переславское озеро, и въ рѣки, и въ тони, и въ заводи, и на Сомино озеро, и въ рѣчку Веску, и въ рѣчку Симанду рыбу ловити пуцалъ по государевѣ жаловальной грамотѣ, каковъ къ тебѣ списокъ съ ихъ жаловальные грамоты посланъ съ сею же грамотою вмѣстѣ. А про неводчика бы еси про Левку сыскалъ всякими сыски, да будетъ въ обыску скажутъ, что тотъ неводчикъ Левка истари троецкой, а Олексѣй будетъ Коробовъ взялъ его насилствомъ, и ты бы его отдалъ назадъ къ Троицѣ. А будетъ въ томъ неводчикѣ переславскіе рыболове учинитъ споръ, и ты бы ихъ въ томъ судилъ и сыски всякими сыскалъ, да по суду своему и по сыску въ томъ и управу межъ ихъ учинилъ; а въ чемъ будетъ тебѣ въ томъ управы учинити не можно, и ты бы суда своего списокъ прислалъ къ Москвѣ въ приказъ Большого Дворца ко мнѣ, боярину и дворетцкому Григорью Васильевичу Годунову. А прочесть сю грамоту и списать съ нее противень слово въ слово, отдалъ бы еси ее назадъ Троицы Сергеева монастыря слугѣ, и онѣ ее держатъ у себя впередъ для ивыхъ нашихъ переславскихъ ключниковъ. Къ сей грамотѣ бояринъ и дворетцкій Григорей Васильевичъ Годуновъ печать свою приложилъ. Лѣта 7096-го мая въ 4-й день.

У грамоты приписъ: Діакъ Петръ Тіуновъ.

[По Переславскому уѣзду, № ²³⁷₂₀₁₁]

VI.

Се язъ старецъ Гурей съ Коломны Голутвина монастыря, что искалъ еси въ нынѣшнемъ сто шестомъ году въ Володимирскомъ судномъ приказѣ передъ Васильемъ Яковлевичемъ Кузминнымъ на подъячемъ Елизарьены чети Вылузгина на Пятомъ Григорьевѣ Голутвина монастыря крестьянъ: Данила Тарасова, да Данила Михайлова, да Романа Степанова, да Тимоою Лунина съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы и статки по челобитной. И язъ старецъ Гурей въ тѣхъ крестьянѣхъ, не дожидаясь сказки по судному списку, съ Пятимъ помирился полюбовно: взялъ язъ старецъ Гурей у Пятого въ домъ Богоявленію Господню въ Голутвинъ монастырь въ вотчину крестьянъ—Романа Степанова, да Тимоою Лунина съ братомъ, да Данила Михайлова съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы и статки, Данила Михайлова раздѣля съ его зятемъ съ Федкою Степановымъ животы ихъ по половинамъ съ женою и съ дѣтьми; а Пятому Григорьеву язъ старецъ Гурей по смыслу поступилася крестьянъ Данила Тарасова да Федора Степанова съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы и статки. И впередъ мнѣ старцу Гурю, или иной которой будетъ въ томъ монастырѣ игумень или строитель, государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русіи и его государевымъ бояромъ и дьякомъ на того Пятого въ тѣхъ крестьянѣхъ о Данилѣ Тарасовѣ да о Федорѣ не бити челомъ и впередъ тѣхъ крестьянъ не искати. А учу язъ старецъ Гурей

или иной которой будетъ въ томъ монастырѣ игумень или строитель впередъ государю и его государевымъ бояромъ и дьякамъ на Пятово въ тѣхъ крестьянѣхъ бити челомъ и впередъ тѣхъ крестьянъ искати, и на мѣстѣ на старцѣ Гурьѣ взяти Пятому по сей записи заряду сто рублевъ денегъ, а государевы пошлыны и пересуды и правой десятокъ платити пополамъ. А записи писаны по противномъ, дьяки послуши одни и розныты по себѣ. А на то послуши: Ушакъ Перонрьевъ сынъ Даниловъ, да Жданъ Максимовъ сынъ Гребонецъ, да Семень Потаповъ сынъ Поповъ. А записи писалъ Семейка Стенановъ сынъ Обакинъ гѣта 7106-го.

На оборотѣ: Къ сей мировой записи старецъ строитель Гурей и въ братіи, своее мѣсто, руку приложитъ. Послухъ Ушачко руку приложитъ.

[По Коломенскому уѣзду, № $\frac{21}{6221}$]

VII.

Отъ царя и великаго князя Бориса Феодоровича всеа Русіи въ Ростовъ городовому прикащику Климу Сукину. Билъ намъ челомъ Живоначальныя Троицы Сергеева монастыря архимаритъ Кирилъ съ братією, а сказалъ: наше дѣи жалованье у нихъ въ Ростовѣ на посадѣ монастырской дворъ на пріѣздѣ, и на томъ дѣи ихъ дворъ жилъ дворникъ Демешка прозвице Стерлягъ, да онъ же дѣи билъ и кучина, покупалъ къ нашимъ пріѣздамъ въ Ростовѣ рыбу свѣжую и просолную и всякіе монастырскіе запасы. И того дѣи у нихъ кучины Демешки не стало и покупати дѣи къ нашимъ пріѣздамъ рыбы свѣжіе и всякихъ запасовъ монастырскихъ стало не кому. И по нашему указу велѣно у нихъ быти въ кучинахъ посадцкому чловѣку Семейкѣ Брицову и на троецкомъ дворѣ жити въ дворникѣхъ, а дворъ дѣи ему свой велѣно продати.—И какъ къ тебѣ съ наша грамота придетъ, и ты бѣ Троицкаго Сергеева монастыря въ Ростовѣ на ихъ дворѣ въ дворникѣхъ посадцкому чловѣку Семейкѣ велѣлъ быти на дворничествѣ и въ кучинахъ, покупати для нашихъ пріѣздовъ рыбу свѣжую и просолную и всякіе запасы, а дворъ бы еси ему свой велѣлъ продати. А будетъ на дворъ кунца не будетъ, и ты бѣ ему съ его двора на троецкой дворъ хоромы велѣлъ ему свести. А прочеть сю нашу грамоту и списавъ съ нее противень, велѣлъ отдати назадъ архимариту Кирилу съ братією или ихъ слугамъ, и онъ ее держать для иныхъ нашихъ приказныхъ людей. Писанъ на Москвѣ гѣта 7108 октября въ 18 день.

[По Ростовскому уѣзду, № $\frac{27}{1574}$]

М. Дьяконовъ.